

Артем Тихомиров

Спригган

Сильные духом против сильных мира —
чужие правила, свои условия!

Артем Тихомиров Спригган

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=186862
Спригган: Альфа-книга; Москва; 2009
ISBN 978-5-9922-0460-5*

Аннотация

Представьте, вы самый лучший взломщик всех времен и народов. Вы можете проникнуть куда угодно, вскрыть любой сейф, проползти по вертикальной стене или пробежать по потолку. Вы поражаете воображение современников своей стремительностью и способностью к антимагии. В столице о вас ходят легенды, и стража кусает локти, не в силах пощупать ваше горло волосатой рукой...

Представили?.. А теперь вообразите, что вам ничего не стоит поскользнуться на арбузной корке посреди улицы, врезаться в фонарный столб и разворотить посудную лавку не хуже приснопамятного слона... И, выходя из дома, вы не знаете, чем это обернется – вселенской катастрофой или просто синяком под глазом...

Представили? Ну теперь вы знаете, что значит быть Локи Неуловимым, гроссмейстером Искусства Взлома и просто хорошим парнем с лучезарной улыбкой. Мы, спригганы, такие – сплошные уникамы!

Содержание

1	4
2	10
3	13
4	17
5	19
6	25
7	26
8	31
9	36
10	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Артем Тихомиров

Спригган

1

Одна умная крыса выразилась однажды примерно так: стоит тебе расслабиться и подумать, что все идет хорошо, а Неумолимый Рок уже вытаскивает из-за пазухи кирпич, чтобы звездануть им тебя по затылку. Когда это происходит, само собой, получать удовольствие от жизни становится затруднительно.

Крыса права на сто процентов. Со мной всегда так. Сколько себя помню, Неумолимый Рок колошматил меня чем ни попадя круглые сутки без перерыва. Как я дотянул до сегодняшнего дня, ума не приложу.

Кстати, вот он я – стою возле стены, в которую вмурован сейф. Я уже почти вскрыл его, осталось совсем немного, чтобы взять то, ради чего я недавно прыгал по крышам, рискуя грохнуться и сломать себе все на свете, ради чего крался в ночи незримой тенью и строил из себя паучка, спускаясь там и сям на тоненьких паутинках-тросиках. В сейфе покоится штука, за которую обещают хорошие денежки, вот поэтому я и здесь. А еще потому, что быть взломщиком – моя профессия, по зову души, так сказать, и согласно природным талантам.

С гордостью заявляю, что в нашем городе вы не найдете второго такого, как я. Обычно, если кто-нибудь спрашивает: кто самый ловкий, самый отважный и самый безбашенный из взломщиков? Кто не побоится забраться туда, куда и носа не сунут иные, даже самые отчаянные похитители ценностей? Словом, если кто-нибудь где-нибудь заикается на этот счет, очень надеюсь, что им отвечают: «Конечно, Локи Неуловимый! Да лучше его не найти во всей Линварии!»

Меня зовут Локи. Я спригган. Не вдаваясь в подробности, сообщу пока лишь то, что отношусь не к простым эльфам, а к древесным и в силу этого обстоятельства вхожу в число мало встречающихся в природе субъектов. У нас в Кавароне спригганов раз-два и обчелся. Я знаю еще одного – мою сестру, личности же остальных покрыты для меня мраком неизвестности.

Что же, тайник почти открыт, в комнате, как и во всем доме, властвует тишина, какая должна властвовать во всех приличных аристократических гнездовьях. Остается только сделать пару движений отмычкой.

Защитные чары, наложенные на сейф, рухнули сразу, как только я подошел. Не знаю, были они высокого качества или не очень, но никаких проблем эта магия мне не доставила. Остальные этапы взлома прошли у нас с сейфом в атмосфере полного взаимопонимания и дружеского приятия.

Чик. Отмычкой я нащупал нужный выступ во внутренностях замка – и дверь готова была распахнуться. Самая простая конструкция, надо заметить, с ней я возился не более пяти минут. Даже как-то обидно – подсовывать профессионалу такую пустышку. Кто учил обитателей этого дома хорошим манерам? А еще говорят: аристократия!

Оглянувшись на открытое окно, через которое влез, я ухмыльнулся под черной полумаской, положил набор отмычек во внутренний карман куртки и наострил свой острый спригганский слух.

Результат экспертизы меня удовлетворил. Барон Заморис и его домочадцы лежали в своих постельках и, должно быть, счастливо поскуливали, как щенки, которым снится что-нибудь вкусненькое.

В то же мгновение облако сажу бросилось мне в глаза, затмив белый свет. Ну знаете! Не ожидал после всего, что было, такой черной неблагодарности! Прямо в мои эльфийские очи сейф выпустил облако тьмы, будто улепетывающий от врага осьминог.

Что делает какой-нибудь неопытный вор в такой ситуации? Он начинает бегать, орать, сбивать предметы мебели и искать спасения, точно мышь, попавшая в пустое ведро. Вот что он делает.

Я не такой. Я не стал орать, а бегал аккуратно, мысленно проклиная шутника, и тер глаза, стараясь оставить на месте шкаф, массивное бюро и стеллаж с книгами. Спасти их мне удалось. Пострадал лишь стул: от моего нечаянного пинка он отлетел в угол, а следом за ним отправился я сам.

Неудобное положение. Мои конечности обвилились вокруг ножек, и пришлось потратить время на их освобождение. Локи вскочил, готовый ринуться прочь со всей возможной быстротой – чтобы в ушах ветер свистел – и оставить этот дом далеко позади себя...

Прошло, наверное, три минуты. Пора двигаться, хватит изображать неудачную скульптуру.

При помощи небольшой, особой конструкции масляной лампы я обследовал внутренность стенного тайника на предмет новых шуточных ловушек.

Их не было. Странно все-таки: для чего сыпать кому-то сажу в физиономию, если от нее никакого эффекта нет, кроме эстетического? Или барон Заморис рассчитывал таким образом досадить кому-нибудь из членов семьи, который навещает сейф чаще, чем положено? Возможно. Хорош будет нарушитель, гуляющий по особняку в образе енота.

Сажу выдувалась из особой дырки на уровне моих глаз. Я обследовал ее и хмыкнул. Тоже мне! Этого недостаточно, чтобы напугать или даже удивить Локи Неуловимого. На своем веку он повидал много чего такого, что барону и не снилось.

Так, приступим к осмотру места происшествия.

Вы не представляете, что иной раз можно встретить в сейфах и тайниках, куда, по мнению владельцев, никогда не проникнет взор постороннего. Им, тайникам, чудаки поверяют свои самые важные секреты, и, честно говоря, при виде некоторых из них кровь стынет в жилах. Другие тайны вызывают гомерический хохот, чреватый истерикой, способной завалить все дело. Чтобы справиться с ним, вам потребуются крепкие нервы. Могу привести примеры из собственной практики. В первом случае (когда кровь стынет) я увидел в сейфе клиента отрезанную детскую голову, а во втором (гомерическом) золотой... в общем, в ученых кругах эту штуку называют фаллоимитатором.

Так вот, в этом сейфе ничего такого не было – ни голов, ни столь необходимых в быту шуток. Даже как-то неинтересно.

Вот кожаный кошелек с монетами, вот металлическое блюдо, на котором лежит несколько золотых колец и брошей и, конечно, цель моей сегодняшней вылазки. Коробочка с бриллиантовым ожерельем в каких-то сто карат. Открыв ее, я убедился, что ожерелье на месте, и пожелал его владелице, супруге барона, долгого психического здоровья. В конце концов, должна быть у этой благородной матроны хоть какая-нибудь совесть? В мире столько нуждающихся, а она расхаживает, блистая, как новогодняя елка. Придется, госпожа баронесса, сделать вас чуточку несчастной.

С алчным выражением на лице, с глазами, горящими над маской, я спрятал коробочку под куртку (в особый кармашек) и локтем закрыл дверцу сейфа. Тот слабенько щелкнул. Что ж, пора смазывать лыжи. Как здесь ни приятно находиться, а пора и честь знать.

Всегда бы задания проходили столь гладко и мирно, подумалось мне, и губы сами собой разошлись в счастливой улыбке субъекта, у которого все хорошо.

Я взял лампу и собирался потушить ее. Я набрал воздуха, надул щеки, да так и остался, потому что дверь в кабинет барона растворилась.

В ней, точно фамильный призрак, показался сам Заморис, с лампой в руке и выражением на физиономии, какое бывает у выдернутых из зимней спячки сурков. Еще он походил на это благородное животное своими обвислыми боками, обернутыми домашним халатом.

Мы не могли не встретиться взглядами. Так было предназначено судьбой. Точно также вы идете по улице и видите девушку своей мечты – я имею в виду, что избежать зрительного контакта ни один из нас был не в состоянии. Барон как раз поставил лампу на письменный стол – и судьба ударила в литавры, причем постаралась выбрать их как можно более крупного размера.

Я подавился. Приготовленный для задувания лампы воздух вылетел из меня, но часть его застряла в горле. Я вздрогнул, словно оратор, на которого напала икота, и понял, что пора откланяться. Злоупотребление гостеприимством в лучших домах Кавароны не считается хорошим тоном, особенно если хозяин видит гостя одетым в черный костюм, из которого в верхней части торчат только обведенные сажей глаза.

Заморис соображал долго. Я понял, что это мой козырь, и сделал скачок. Прямо с места, как мне всегда удавалось.

Помимо литавр, у судьбы и Неумолимого Рока (сегодня ночью они работали на пару) оказался тот самый кирпич, о котором говорила крыса. Судьба и врезала мне им по башке. Едва я прыгнул, ища спасения, как таинственная грозная сила тут же дернула меня назад. Я ударился затылком о стену и принялся извиваться, словно кошка, схваченная за шкирку.

Я орал, шипел и царапался, стараясь нанести неизвестному противнику как можно больший ущерб. Врешь, Локи Неуловимый просто так не сдается!

Барон смотрел на мои энергичные взбрыкивания и все никак не мог упасть в обморок. Воровская лампа свалилась на пол и погасла, так что хозяин видел лишь мою тень. Должно быть, картинка жутенькая.

Призвав на помощь свои сприганские способности, я в отчаянии рванулся вперед. Раздался треск, ознаменовавший мое освобождение, и, так как я приложил для этого больше усилий, нежели требовалось, мне пришлось полететь вперед и познакомиться с письменным столом.

Стол был твердый, слишком твердый для моей головы. Может, любую другую он потечески бы приласкал, но с моей обошелся не очень вежливо.

Я сел, стараясь убедить комнату прекратить безобразия и стоять смирно. Она не хотела. Мои мысли разбежались в разные стороны, что и неудивительно. Пытаясь вспомнить, что я тут, собственно, забыл, я увидел барона, который несся в моем направлении, размахивая длинной блестящей штуковиной.

Какой забавный малый! И рожа у него – кого угодно напугает. Словно он на поле битвы и атакует вражеские ряды, при этом вознес над головой разящий меч, готовый упиться кровью по самую гарду.

Я глазел на доблестного воителя. Мне казалось, что он специально проделывает все движения очень медленно. Может быть, желает, чтобы я оценил его грацию бегемота, который скатывается по склону крутого холма? Хы! Можно подумать, мне больше нечего делать!

Через один удар сердца меня одолели сомнения. Я задался вполне логичным вопросом: куда все-таки бежит барон, размахивая предметом, который очень напоминает длинную тяжелую шпагу, какую я недавно видел на стене?

Ответ пришел ошеломительно быстро. Заморис бежал ко мне. И его разящий клинок, блистающий в ночи, предназначался для вполне определенной – смертоубийственной – цели. Если бы не время, которое просто взяло и замедлилось, я мог бы лишиться какой-нибудь важной части собственного тела.

Память окончательно вернулась, и я снова взбрыкнул.

Взбрыкивать просто необходимо, когда к вашей голове с большой скоростью приближается тяжелая боевая шпага. Поверьте на слово.

Время как раз решило вернуться в прежнюю колею, и мне пришлось шмякнуться на спину. В уши мои ворвался воинственный родовой вопль барона (некто вроде «ияяааггг-ракхха!»), следом за которым просвистела, точно стрела, рассекающая воздух сталь.

В общем, промазал. Там, где только что торчала моя тыква, был воздух, в котором Заморис и проделал порядочную дыру. Тюфяк закружился, изображая танец со шпагой, запутался в ногах, затем в полах халата и повалился, словно овца, угодившая на каток. Ну и грохнулся он, доложу я вам! Беги, спригган, беги!!!

Кто бы ни крикнул мне это на ухо, он был прав. Для профессионала я непозволительно долго гощу в этом доме. Знакомство же с хозяином вообще ни в какие ворота не лезет.

Но ведь это же я, у которого семь пятниц на неделе, как говорит моя сестра Уна.

Итак, лежа на спине, вздергиваю ноги, прижав колени к груди, и рывком встаю на свои легкие эльфы стопы.

Прыжок через стол получается даже очень ничего – всего лишь легкое касание копчиком.

Семена и стараясь не заорать, подбегаю к спасительному окну, но оно оказывается не таким уж спасительным. Точнее, закрытым. Да быть того не может! Я же помню, что оставлял щель толщиной в ладонь!

Проклятье — это сквозняк. Когда барон открыл дверь, ветер сотворил свое злодеяние.

Дергая за ручку и глядя через плечо на вздымающегося из пучин халата Замориса, я успеваю обдумать только одну возможность бегства: разбег и таран стекла. Затем следует полет с третьего этажа – учитывайте высоту потолков! – и приземление в розовые кусты, которые я заметил в саду.

Пока хозяин вздыхает, краснея суровым ликом и выпучивая глаза, я пробую уговорить защелку смириться над несчастным спригганом. Куда там! Защелка, с которой мы раньше так хорошо ладили, предала меня и встала на сторону этого трутня. И ведь как хитро поступила: что-то в ней будто искривилось и не желало двигаться ни в какую сторону.

Подбирая клинок, барон разражается новым ужасающим криком, от которого моя кровь стынет везде, где только можно.

Отскакиваю от предательского окна, словно меня кипятком ошпарили. Времени на раздумье с гулькиным нос, но даже этого носа мне хозяин не дает. Налетев, точно потерявшая управление карета, – вспомнил молодость, проведенную на дуэлях и в немногочисленных военных кампаниях! – он размахивает шпагой. Точнее, рубит ею, словно я кочан капусты, который надо приготовить к обеду.

Уворачиваюсь. Прыгаю кузнечиком в сторону кресла.

Шпага, будь она неладна, преследует меня по пятам, а барон голосит, словно пастух, сзывающий стадо под свою покровительственную руку.

До меня доходит, что он и правда это делает – сзывает, только не кротких овечек или коров, а слуг, среди которых наверняка найдутся крепкие парни, работающие в доме истопниками, конюхами и кучерами.

Нет, встречаться мне с ними нельзя, говорю я себе, делая сальто и падая в мягкое кресло, которое удивленно скрипит подо мной. Кресло привыкло к чинно опускающемуся на него хозяйскому задку, но не к тому, что в него плюхается спригган. Понимаю, но ничего сделать не могу. Шпага до сих пор рассекает воздух – и хорошо, что пока только его, поэтому обойдемся без церемоний.

Хрясь! Шпага хозяина пронзает кресло навывлет, и оно корчится в муках, недоумевая, чем заслужило подобное обращение.

Пытаясь вытащить застрявший в трупке клинок, Заморис затрубил, как слониха, севшая на ежа.

Отпрыгнув, как мне кажется, на безопасное расстояние, я оборачиваюсь. Что, герой, застрял? Ну-ну!

Умная крыса, с которой вы скоро познакомитесь, часто ругает меня за любовь к позе. Мол, ничего в моих тупых мозгах нет, кроме желания выпендриваться. «Выпендрежник» – вот так назвала меня крыса, и, наверное, права. Если вдуматься, то значительная часть моих неприятностей происходит от неистребимого желания пустить окружающим пыль в глаза.

И здесь я не отступил от своей традиции и решил показать аристократу, кто тут по-настоящему хозяин положения. Меня не запугать всякими там железяками. Локи еще и не такое мо...

Сверкая глазами над черной полумаской, я опираюсь локтем о каминную полку, но, оказывается, это не она сама, а большая плоская книга, выступающая из-за края.

Книги не созданы выдерживать чужой вес, даже такой небольшой, как мой. Она переворачивается, и я грациозно обрушиваюсь на пол левым боком, причем так стремительно, что в полете не успеваю убрать ухмылку с физиономии и от удара чуть не прокусываю нижнюю губу.

Что барон обо мне подумал в тот момент? Не смею даже предполагать.

Только гляньте, как резво перебирает нижними конечностями аристократ! Не исключено, что сегодня он поставил рекорд скорости передвижения в направлении взломщиков среди своей возрастной группы и веса. Ну очень быстро!

Но я на то и спригган, чтобы двигаться еще быстрее. Мы, древесные эльфы, если надо, носимся так, что любая борзая позавидует.

Закручиваюсь юлой, на миг вздернув ноги кверху, встаю, ухожу от нового выпада и понимаю, что надо выбираться через дверь. Пробить окно и грохнуться в розовые кусты, в это царство ужаса, категорически не хочу.

Шевелись, Локи!

Рыбкой прыгнуть в спасительном направлении.

Шмякнуться на брюхо, рвануть дверь на себя, поехать на коврике с другой стороны.

Ну что это такое, в самом деле! Ох, твердый порог оказался – мои позвонки прямо завопили от возмущения.

Помчаться по коридору в неизвестном направлении. Почему в неизвестном? Потому, что подробного плана дома у меня нет. Схему, накарябанную на листке бумаги, предоставил мне мой агент, а в ней ничего про другие коридоры не сказано.

Бегу что есть духу – ветер в ушах, хотя и скрытых капюшоном, все-таки свистит.

Барон Заморис оглашает дом душераздирающими, прямо адовыми звуками за моей спиной. Не колдун ли он, часом, обожающий скликать из бездн преисподней всякую дрянь?

Боюсь обернуться и увидеть, что жирдяй побивает собственный рекорд и готов вонзить свою шпагу мне между лопаток. Но нет, сприггана просто так не догнать, кишка тонка.

Бароновы вокальные упражнения не пропадают втуне. Опыт показывает, что рано или поздно подмога преодолеет непроходимые топи, перемахнет через высоченные горы, пробьется через лихие дремучие леса, населенные гигантскими пауками, и прибудет к своему хозяину.

По-другому не бывает.

И не было. Подмога уже здесь. Состоит она из большого детины (конюх, кузнец, истопник?) и небольшого, одетого гораздо приличнее большого (мажордом, виночерпий, секретарь?).

Выруливая из-за угла, они не ожидают увидеть меня. Я немного лучше готов к этой встрече. Меняя направление, цепляюсь за стену, упираюсь в нее правой ногой, которая

должна сыграть роль пружины. И конечно, пролетаю поверх голов несущихся на меня детин. Эффектно? Еще бы. Отработанный трюк.

Для слуг бароновых, должно быть, все выглядело так, словно в коридоре нечаянно обосновалась большая летучая мышь, решившая размять крылышки в час ночной. И они бы думали так и не сообразили, что я и есть похититель хозяйкиных ожерелий, если бы не кованая бронзовая люстра.

По обыкновению, я влетел в нее своей дыней – в самой верхней точке траектории.

Вселенная загремела, точно громадное ведро, упавшее с крыльца, а что до моего тренированного тела, так оно перевернулось дважды, прежде чем оказаться на полу. Хотя там и лежит ковровая дорожка, но это падение – точнее, низвержение – не назовешь мягким.

– Держи его! Держи вора!!! – вопит кто-то противным голосом..

Могу вообразить, как этот голос расстраивал мамочку, когда был совсем крохой.

Не совсем ясно, жив я или помер. И если жив, то надо бы встать, ибо невежливо валяться посреди коридора в доме аристократа без письменного на то разрешения. Но что-то мешает.

Проклятая бронзовая люстра покачивается надо мной этак вальяжно, с чувством выполненного долга.

Понял, что мешает. Очень некомфортное чувство во всем туловище. Я бы назвал его болью, и, думаю, так поступил бы любой на моем месте.

– Держи!!!

Это уже совсем близко. Люстра покачивается. У меня есть подозрения, что она собиралась свалиться, чтобы довершить свое черное дело, но тут появились четыре руки. Они подняли меня безо всяких церемоний, не спросив, хорошо ли я себя чувствую, не желаю ли присесть и отдохнуть, не предложили стаканчик горячего грога. Совершенно ясно, что здесь так не принято. Здесь вас хватают за обе руки и бдительно смотрят справа и слева, ожидая, когда приковыляет хозяин.

И хозяин приковыливает, сжимая в руке шпагу с таким достоинством, будто только что сразил ею какого-нибудь монстра.

– Попался!

Одно из самых страшных слов в жизни взломщика. Страшнее только: «Приговор окончательный и обжалованию не подлежит!»

– Попался! – повторил Заморис, слизывая слюну со своей нижней губы.

Детины ворчат, словно довольные волкодавы, которым пообещали по куску сырого мяса.

Надеюсь, имелось в виду не мое личное мясо, а чье-нибудь другое.

Рука барона тянется ко мне. Пухлая рука человека, привыкшего к роскошной жизни. Она напоминает блестящую упитанную селедку.

Лучше бы я пробил на лету стекло, определенно лучше. Что такое колючки в розовом кусте в сравнении с такой милой вещицей, как дыба?

Барон хочет сорвать с меня капюшон и маску.

Вижу перед своим лицом его грязные ногти, не совсем приличествующие титулу.

– Теперь посмотрим, кто же ты такой! – говорит хозяин особняка.

2

Живу я в доме у реки. На этом берегу Сквалыни здания стоят на небольших холмах и жмутся друг к другу, словно кролики, спасающиеся от грозы под лопухом. Здесь обитают не слишком бедные, не слишком богатые, не слишком приметные, а в массе своей и совершенно неприметные аборигены. В финансовом отношении – самый низ среднего уровня. Звучит по-идиотски, знаю, но так оно и есть.

Мои соседи понятия не имеют, чем я занимаюсь, а я не имею понятия, чем занимаются они. Мы друг другу не мешаем и делаем вид, что всех все устраивает.

Основная причина, по которой я обрел здесь свое пристанище, – это уединенность. Логово взломщика должно располагаться как раз в таком месте. Ничем не примечательном и в то же время способном предоставить минимальный уровень комфорта для невзыскательного парнишки, коим и является Локи Неуловимый.

Время от времени моих соседей настигает злой рок. Их благосостояние вдруг падает и рассыпается на мелкие кусочки, и тогда они вынуждены уезжать и отсюда. Куда? Уже в настоящие трущобы. Куда-нибудь за Большую Королевскую или Старый Некрополь, в районы, где процветает пышным цветом социальное зло и тому подобное. В конце концов, если и на самом дне жестокая судьбина продолжает доставать несчастных, им приходится выползать уже только на улицу или на кладбище.

Брр! Ничего себе мыслишки перед рассветом!

Надеюсь, меня минует сия участь. Я – взломщик, а потому на свой кусок хлеба зарабатываю. Локи не злодей (хотелось бы надеяться), просто так сложились обстоятельства.

Покинув Лес в незапамятные времена (примерно лет семь назад), я пришел в Каварону и решил в ней остаться. Что-то здесь привлекло мою склонную к авантюризму натуру. К тому же, как вскоре выяснилось, мои способности очень даже могут пригодиться. Антиматия, например. Что-то я такое излучаю, ауру, надо полагать, что способно напрочь вырубать любые чары и разрушать даже самые прочные, многослойные массивы заклинаний. А теперь вообразите, насколько полезно это спригганское свойство, когда приходится работать с замками, оснащенными защитной магией. О ней я даже не думаю, а просто достаю отмычку и приступаю к делу в три-четыре раза быстрее других взломщиков, вынужденных тратить уйму сил и времени на деактивацию чародейских сурпризов.

В свое будущее я смотрю со спокойным оптимизмом. Покуда есть в Кавароне богатеи, их сокровища всегда будут под пристальным вниманием алчущих глаз, а значит, Локи Неуловимый работу не потеряет...

Стена грубой кладки отлично приспособлена для моих рук и ног. Старая знакомая. По ней я лазил тысячу раз, и мы сделались добрыми друзьями.

Выскользнув из тени, я остановился возле старушки стены и приложил к ней руку.

– Как поживаешь? Нет ли здесь подозрительных типов?

При определенном подходе можно многого добиться от окружающих вас вещей. Во всяком случае, добиваюсь я, эльф. Насколько я знаю, людям эта способность недоступна.

Стена хранила приветливое молчание. Значит, горизонт чист и можно расправить паруса во всю ширину.

Я расправил. Точнее, подпрыгнул, ухватился за знакомые выступы, сунул руки и ноги в уютные углубления и полез.

Через пять секунд я был на крыше. Вдалеке, точно их напоили валерьянкой, вопили кошки. Ну раз они вопят, значит, все чики-пики.

Закон жизни.

Возвращаясь домой после вылазки, я, как правило, пользуюсь хорошо знакомыми крышами своего района. Их много, и все они утыканы кирпичными трубами, за которыми в случае форс-мажора можно спрятаться. Чего там – я делал это множество раз, оттачивая свое умение сливаться с окружающей средой.

Повсюду черепица, но ни на одной крыше она не в полном наборе. Тут и там прорехи, трещины, провалы на чердаки, где живут летучие мыши и бродят теньями охотящиеся на мышей обыкновенные кошки. У хозяев или съемщиков почти никогда нет денег на ремонт, потому они привыкли к пониженной комфортности своих жилищ. А что поделать? Если каплет с потолка во время дождя, подставь тазик; если раздражает звук падающих капель, заткни уши теплым воском, все одно легче. Вот так и живут.

Что касается моего дома, то, хотя я не богатей, в нем тепло и уютно. Во всяком случае, крышу я починил, убедив ее не течь и не действовать мне на нервы. Она согласилась. Так мы живем душа в душу, и даже в самые суровые дожди, снегопады и прочие явления плохой погоды я не ползаю по полу с тряпкой, собирая воду.

Темнота еще властвует над миром, и я порхаю по крышам, не боясь, что кто-нибудь заметит. С холма, на котором расположены дома, видна река и мосты на ней. В трех милях к северу – один, в двух на юг – второй. По Сквалыни медленно, точно на последнем издыхании, ползают баркасы и лодки, освещенные факелами. Днем и ночью по воде перевозят грузы, и кто-то добывает себе на хлеб с маслом. По ночам – в основном предприимчивые контрабандисты. Если идут с факелами, значит, сегодня груз вполне легален. Это сигнал речной страже, чтобы не волновалась попусту и не портила себе драгоценные минуты отдыха на дежурстве. Тут все схвачено, все в доле, все довольны таким положением дел. Коррупция в нашем мире процветает, даже среди тех, кто браздается в не очень чистой воде.

На другом берегу можно различить шеренги старых домов, все они темные и мрачные, словно семейные склепы на кладбищах. Тамошний район тоже не блещет обилием богатых обывателей. Аборигены ложатся спать с наступлением сумерек, резонно полагая, что это хороший способ сэкономить на масле для ламп. По давней, свято чтимой традиции многие в тех невеселых пределах ложатся спать без ужина. Если хорошенько прислушаться, можно уловить, как с того берега доносится урчание в чьем-то голодном животе.

В ночной тиши в унисон кошкам начинает пищать ребенок. Это под крышей дома, на котором я стою. Самый малолетний из отпрысков семьи будоражит родителей, и они храбро бросаются в бой, потирая глаза и зевая. Успокаивать это маленькое чудовище, похожее на печеное яблоко, придется долго.

Запрыгнув на высокую кирпичную трубу, я усаживаюсь на нее, словно паук на кончик веточки, и обзираю окрестности.

Погони нет, она выдохлась примерно в квартале от берлоги гостеприимного барона. Но даже если бы не выдохлась, мчась по земле, толку от карательной экспедиции все равно не было. Планы отхода, основной и дополнительный, я всегда обдумываю тщательно и стараюсь пользоваться только вторым этажом. То есть крышами. Я бегаю, прыгаю, делаю сальто и прочие подстегивающие адреналин штуки и наслаждаюсь. Слышал, что у каваронской молодежи даже появилось в подражание мне новомодное развлечение, названное странным словом «паркур».

Так же было и в этот раз, несмотря на возникшие поначалу сложности.

Впрочем, сложности закаляют юный характер, разве нет? Героями не становятся в одночасье. Особенно героями воровского фронта.

Горизонт по-прежнему чист. Пора домой, на боковую, в теплую постельку. Отосплюсь и примерно в полдень отправлюсь к своему агенту отдать добычу и получу свои комиссионные.

Мысленно потираю руки.

Разбегаемся, прыгаем, пролетаем над ущельем между домами, приземляемся на край, цепляемся за то, что попало под руку, отталкиваемся.

Все тихо, почти бесшумно. Я похож на призрака. Иногда, кстати, меня так и называют. Что-то вроде – Ужас, Летящий На Крыльях Ночи. Могу ошибаться, но в любом случае мое честолюбие довольно таким положением дел. Слава формирует репутацию, а репутация увеличивает поток заказов. Мой агент – Фогард Бом-Бом – считает, что у нашего тандема большое будущее, что я не раскрыл и сотой доли своего потенциала. Верю. Похоже, он не успокоится, пока с моей помощью не ограбит весь мир. В прошлом Фогард и сам был неплохим вором, поэтому мы оба хорошо понимаем специфику профессии.

Мое жилище висит над крутым склоном, который в самом низу переходит в песчаную полосу пляжа. Пляж облизывают речные воды, на них я люблю смотреть не меньше, чем на далекий горизонт.

Есть у меня на крыше симпатичная такая башенка, где хорошо проводить время в честолюбивых размышлениях и предаваться мечтам. Это почти самая высокая точка нашего квартала, с нее удобно наблюдать не только за звездами, но и за всей округой. В башенке стоит на треноге труба, которую я свистнул три года назад у одного жадного старьевщика. Временами, когда делать нечего, я подглядываю за окнами на другом берегу реки. Меня интересуют переодевающиеся девушки, что для холостяка вполне простительно. Так и так веселее.

Нормальный вход в сприганское логово находится внизу, но им я пользуюсь, только чтобы дать понять окружающим, что я не умер и по-прежнему живу на полезной площади шестьдесят семь квадратных метров.

Есть и другой способ попасть внутрь, но он секретный. Только я не рискую сломать себе шейные позвонки, пробираясь через него в собственную обитель. Мне еще не приходилось использовать этот лаз, чтобы улизнуть от преследователей, но с моим родом занятий нужно быть готовым к улизыванию в любой момент.

Здания стоят близко, часто соединены мостками, еще чаще, немного покосившись, опираются друг о друга, словно боксеры в клинче. Мой дом и соседние сдружились в доску, поэтому с одного на другой можно просто перешагнуть. Я и перешагнул привычным движением, а потом прошел, словно канатоходец, по узкой металлической балке и прыгнул на крошечную площадку перед незаметным окошком возле печной трубы. Окошко не видно с большинства направлений, а значит, это дополнительный козырь в деле конспирации.

Грозно зыркнув по сторонам, задержав взгляд на тощей драной кошке, что восседала на соседней трубе, я полез к себе домой.

Теперь все, в этом деле можно поставить точку. Удивительно, почему я даже не сделал попытку свалиться с крыши?!

3

Ужина, конечно, нет, и мне придется готовить его самому. По времени это будет скорее ранний завтрак, но дело не в этом. В мое отсутствие в доме хозяйничает мой компаньон, а он ни бум-бум в кулинарном искусстве. Зато мастер поглощать съестные припасы и ставить своего хозяина и друга на грань блистающей нищеты. Его зовут Руфио. Он крыс мужского рода, чем чрезвычайно горд (то есть своей породой и своим полом). По его намекам, в прошлой жизни он тоже был вором, причем самым лучшим, однако на мои вопросы, касающиеся деталей, отвечает неохотно.

Кстати, про него я вам и говорил. Руфио обожает строить из себя побитого молью, сиречь жизнью, мыслителя. Воображает, что у него на все найдется ответ и, более того, полезный совет для меня. Собственное бытие крыс представляет с двух позиций: воспитание Локи Неуловимого и чревоугодие. Именно благодаря чревоугодию Руфио сегодня остался дома. Обычно он обожает опасные приключения, которыми полна жизнь взломщика, но сегодня около полуночи у крыса схватило живот. Оставлял я его полумертвым (по его же словам). Руфио тогда разлегся на моей кровати с видом умирающего героя и пытался, открыв один глаз, объявить мне последнюю волю. Его брюхо выпирало так, словно крыс проглотил гусиное яйцо.

Спрыгнув в комнату через люк в потолке, я застал Руфио за поеданием печенья.

Кажется, печенья у нас не было.

– Откуда взял? – спросил я.

– А-а, приветик! – ответил Руфио.

Крыс не выглядел ни больным, ни умирающим. Глазки весело посверкивают, хвостик игриво загибается.

Не сомневался, что так и будет. Нет на свете такой пищи, которая бы отправила Руфио к праотцам. Он говорил мне, что в молодости на спор с одним хомяком съел порцию стрихнина. И ничего. Хомяка же постигла печальная участь – от удивления он получил сердечный приступ.

– Почему опять на моей кровати? – взбрыкнул я. – Я миллион раз говорил – после тебя я выгребая оттуда тонны крошек! Вон! Давай-давай! Соблюдай правила общежития!

Руфио с трудом перевалился на толстое брюхо и поволок свое тело к краю ложа. С края он шмякнулся на пол, точно кулек с котлетами, и, укоризненно поглядев в мою сторону, отправился домой.

Дом у него был деревянный, копия настоящего. Его я нашел на свалке, и когда-то он определенно принадлежал богатому ребенку. Домик высотой в полметра был в самый раз для Руфио, он стоял на полу в самом грязном углу комнаты. Крыс не позволял убирать там, считая это покушением на частное владение.

В свое владение он и заполз, но про пакет с печеньем забыл.

Я взял добычу крыса с кровати и увидел, что Руфио успел схомячить (скрысить?) одну треть. Печенье пахло ванилью, и в нем проглядывали кусочки изюма.

– Где спер? – спросил я.

– Нигде, – отозвался крыс из своей резиденции.

Долго он дуться не будет, просто не умеет. Его натура не может позволить себе роскошь стоять в стороне от бурных событий нашего века. Любопытство Руфио не знает границ, и в этом оно равняется его самомнению. Каждая крыса считает себя центром вселенной, но Руфио – особый случай. Спроси его, так он ответит, что, может, кто-то и центр, но он сам гораздо центральнее других.

Насчет того, чтобы стырить где-нибудь что-нибудь, Руфио мастак. Его рейды по соседским домам уже стали легендами. Крыс обожает рассказывать мне истории о своих похождениях, драках с кошками, мышами и злобными хорьками (обычно одному он дает в нос, а остальные убегают, поджав хвост). Больше половины всего Руфио сочиняет, но то, что он всегда возвращается без царапинки, о чем-то говорит. Это больше, чем крысиная природная сметка, вероятно, здесь не обошлось без привычек из прошлой воровской жизни.

Из пакета с печеньем помимо водопада крошек выпала бумажка. Точнее, записка. Я поймал ее на лету и прочел:

«Не застала тебя. Загляни ко мне на огонек. Испекла печенюшки, так что угостись.
Уна»

Крыс высунул нос из окошка первого этажа своего ломика.

– Прежде чем обвинять, разберись! – сообщил хвостатый. – Эх, молодо-зелено! Доколе я буду терпеть тычки и оплеухи безжалостной, несправедливой судьбы?!

– До тех пор, пока не будешь вести себя подобающим образом! – отозвался я.

Пришло время разоблачиться. Одежда у меня специальная, как раз для взломщиков. Не отражающая свет, облегающая, нигде не жмет, дает полную свободу движений для акробатики, ползания, лазанья и прочего.

Голова скрывается под капюшончиком, лицо – под матерчатой полумаской. Еще в моей спецовке куча потайных карманов для всяких приспособлений. Карманы произрастают везде, по одному есть даже с внешней стороны высоких ботинок.

Руфио спросил:

– Кто оттяпал от твоей куртки кусок? Злобный хозяин ожерелья?

– Это сейф. Я захлопнул его, не заметив, что край защемило, а когда драпал, рванул так, что кусок оторвался.

Я поднял куртку к свету и причмокнул. Скверное дело. Теперь придется чинить, тратить время и деньги. С другой стороны, есть Уна. У нее золотые руки, поэтому сами боги велели ей помочь брату решить проблему. Правда, Уна заявила, что не будет участвовать в моей незаконной деятельности (она настаивает, чтобы я стал честным сприганом – ха-ха!), но у меня найдется чем на нее надавить.

Посмотрев на портрет в рамочке, висящий над кроватью, я подождал, не посоветует ли мне чего-нибудь самый первый и самый великий взломщик в истории.

Нет, не подсказал. Бильбо Торбинс все так же улыбался, и румянец с прежней силой сверкал на его щеках. Вероятно, это означало: выпутывайся из проблемы сам. Как всегда.

Ладно. Выпутаемся. Я бросил куртку, она полетела и повисла на крючке.

Крыс устроился в игрушечном плетеном креслице на крыльце своего домика. Скрестив задние лапы и положив передние на живот, он наблюдал за мной.

Ни дать ни взять житель обеспеченного пригорода Кавароны, отдыхающий вечером от трудов праведных.

– Уна ничего не передавала? Я облачился в домашнее.

– Ничего. Фыркнула на то, что в доме полный разгром, и удалилась. А между прочим, разгром и есть. Погляди, что творится на кухне. Нет, ты погляди! А в комнатах на первом этаже? Жуть. Даже на мой крысиный взгляд, хотя многие и считают нас порядочными свиньями.

– Ты мог бы помочь, – сказал я.

– Помочь? О! Такого я от тебя не ожидал! Глядя на крыса, я отправил в рот одно печенье и захрустел им. У Руфио отвалилась челюсть, он сглотнул, не в силах поверить в такое нахальство с моей стороны.

– Ты видишь мои слабые бедные лапки? Видишь? Бессердечный тип! Что я могу этими лапками? Ворочать твои чугунные сковородки, что ли? Мыть полы, таская ведро, которое в сравнении со мной размером с дом?!

– Ну сковородки и ведра, положим, это чересчур, – отозвался я, мысленно хваля Уну. Печь всякие вкусности она умела. – Но ты мог бы прибраться в моем углу. И в своем доме. Нет?

Оскорбленная крыса напоминает министра, выгнанного с должности за взятки. Считает, что с ней несправедливо поступили и надо было добавить еще денег, а не отбирать честно наворованное.

– Я в поте лица охраняю дом в твоё отсутствие, а ты заставляешь меня идти на каторгу?

– Что с тобой сегодня, хвостатый? Ты все принимаешь в штыки!

– Не все, – ответил Руфио, – только вопиющую несправедливость!

– Так ты не будешь убираться? – спросил я.

– Нет. Когда ты говоришь таким тоном, не буду!..

– Но ты обязан выполнять свою часть работы.

– Нет, не обязан!

– Почему?

– Потому что я – домашнее животное, Локи, а домашние животные, да будет тебе известно, предназначены для того, чтобы вести праздную, паразитическую жизнь, полную разных удовольствий. Они не обязаны работать, надрываться и все прочее, им это противопоказано!

Руфио нередко пускался в высокоумную болтологию и мог рассуждать на какую-нибудь дурацкую тему часами.

– Домашнее животное – это символ благополучия в доме, оно приносит радость хозяевам и вправе рассчитывать на море благодарности! – добавил крыс.

– Какую радость ты приносишь мне?

– Что? – Руфио едва не свалился со своего креслица. – Ну это уже ни в какие во... А ты не забыл о том, что только благодаря моим советам тебя ни разу еще не поймали? Благодаря моим советам ты растешь над собой, взрослеешь и развиваешься на правильной почве. Кем бы ты был без меня? Ты не прожил бы в Кавароне и года. Сгинул бы, как гном под Морией!

Подобное мы тоже слышали. Я же склонен думать, что все, о чем говорит крыс, моя собственная заслуга, мои таланты и спригганские способности.

Ум, сообразительность, ловкость, антимания – разве это то, что дал мне Руфио? Нет. Не спорю, иногда он помогал мне во время наших вылазок, но это была помощь иного рода. Крыса может пролезть туда, куда не пролезет даже хоббит, будь он самим Торбин-сом, может увидеть то, что укроется от глаз остальных. Как разведчик Руфио часто незаменим – я это признаю в полной мере. Никто не назовет Локи Неуловимого неблагодарным и бессердечным (хотя некоторые тут пытаются), никто не поставит ему в упрек, что он забывает заслуги друзей.

Впрочем, крыс считает себя центром мироздания, а когда некое существо мыслит такими категориями, спорить с ним невозможно.

Руфио жужжал, словно какой-то гномский механизм, еще минут пять. Чего-то новенького я о себе не узнал, у крысы не хватило фантазии ошеломить меня чем-нибудь таким.

Наконец хвостатый выдохся и упал в свое кресло. Его усы возмущенно топорщились, напоминая колючки чертополоха.

Красноречивым взглядом Руфио пытался прожечь во мне дыру, а я тем временем совал в рот одно печенье за другим, вспоминая, что на кухне есть пиво, которым я могу смочить горло и порадовать желудок.

кружечка пивка поможет моему организму погрузиться в объятия Морфея.

– В таком случае я произведу уборку сам, – сказал я – Тогда пеняй на себя, если я совершу вторжение на твою территорию! Пленных не возьму!

Руфио набрал в свои крысиные легкие воздух и запищал Ну и склочный тип, я вам скажу. Угроздило меня завести такого приятеля, мало того что он волшебный – антимagia моя на него почему-то не распространяется, – так еще и скандалист и эгоцентрик, обожающий привлекать к своим мнимым горестям внимание.

Он прав: домашнее животное, ведущее паразитическую жизнь.

Я сунул в рот последнее печенье и оставил Руфио одного. Когда никого нет рядом, он остывает быстрее.

4

Уна младше меня, но по какой-то причине считает, что по уму и сообразительности стоит на несколько ступеней выше. На этой почве у нас всю жизнь гремели идеологические баталии. Иногда бываю прав я, иногда она, и, в общем, по законам диалектики мы находимся в равновесии.

В этот раз, войдя в кухню, я понял, что Уна права на сто процентов. Кухня напоминала ристалище, где справляли свой медовый месяц пещерные медведи.

Я замер, пораженный дюжиной громов; не исключено, что глаза мои были не круглыми, а, скажем, треугольными.

Понятия не имею, как же храм, предназначенный для сотворения и вкушения пищи, мог докатиться до подобного состояния. Одним словом, жуть. Хотелось зажмуриться, но я этого не сделал, ибо вспомнил, что пришел за пивом.

Нацедив из бочонка полную кружку, я отвернулся от разгрома и мужественно пообещал себе, что завтра, когда развяжусь с делами, обязательно наведу порядок. То есть: а) вымою посуду, б) отмою и отскребу сковородки и кастрюли, в) подмету пол, г) сниму полотно паутин с потолка и углов, д)... ну и так далее по списку.

И пускай, сказал я себе, работа займет большую часть вечера, но кухня будет блистать не хуже королевской залы.

В приподнятом настроении я отправился в самую большую комнату на первом этаже, и моя улыбка поблекла. Если в кухне побывали пещерные медведи, то здесь отрабатывали приемы рукопашного боя горные великаны. Кроме них, никто не мог учинить подобного безобразия. Не хрупкий же и скромный спригган, правда?

Оглядевшись по сторонам, я понял, что посидеть у камина в кресле, вытянув усталые ноги, не получится.

Сон куда-то ушел, так что в кровать мне тоже не хотелось, поэтому я стоял и некоторое время просто пил пиво. Попутно мои мысли обращались к уборке, которая последует после кухонных мучений.

Мысли эти были ужасными. Одной пыли горные великаны повсюду набросали слоем толщиной в два пальца, и, значит, ее придется не просто вытирать, а выгребать. Представляю себе, какой шок испытала Уна, когда появилась здесь после двухмесячного перерыва. Бедняжка, она ведь всегда была помешана на чистоте.

Махнув на все рукой, позабыв о позднем ужине, я поднялся в свою комнату и разлегся на кровати с кружкой пива.

Крыс тем временем с увлечением рассматривал бриллиантовое ожерелье, которое успел реквизирировать из кармана моей куртки.

– Штучка стоит того, – сказал Руфио. – Эх, будь я как в старые времена... человеком, я бы... – Крыс лег на ожерелье плашмя и закрыл глаза то ли от страдания, вызванного воспоминаниями, то ли от удовольствия. Иногда мне кажется, он не сочиняет насчет этой своей другой жизни. А еще я иногда думаю, что если своими прошлыми поступками он заслужил стать в новой инкарнации крысой, то какая участь ждет меня самого?

Надеюсь, что если я спригган, а не человек, то на меня крысиная карма не распространится.

– Были деньки... однажды свистнул я здоровенный бриллиант у леди Старски. Он был размером с куриное яйцо, брат. Во-от такое!

Руфио уселся на свой крысиный зад и горящими глазами разглядывал мою добычу. Мне лично было все равно, драгоценности меня интересовали только в качестве символа хорошо выполненной работы. Если они здесь вместе со мной, значит, вылазка удалась.

– Кстати, ты мне еще ничего не рассказал, – напомнил Руфио. – Я жду.

– Ничего интересного, – отозвался я, пристраивая на кровати подушки так, чтобы можно было на них откинуться.

– Ври больше, – сказал крыс ворчливо. – Сегодня ночью я чуть не умер со скуки. Еле держусь. Расскажи мне все. Ты был близок к поимке?

Вопрос для каждого взломщика болезненный.

– Да. – Пришлось признаться. – Заморис проявил недюжинную выдержку и физическую выносливость, когда пытался схватить меня. И что ему понадобилось ночью в кабинете? Не понимаю таких. Вместо того чтобы спать себе как младенец, видеть приятные сны, готовиться к новому дню, они слоняются по комнатам, как призраки. И мешают работать.

– А что у тебя на физиономии? – спросил Руфио. – Барон наложил на тебя грим?

– А, это... осталось... Нет. В сейфе имелась маленькая ловушечка, и из нее мне в глаза выдуло порцию сажи.

Крыс причмокнул.

– А могла быть кислота, выстреливающие иглы с ядом, порошок с возбуждителями чумы, – сказал он, сурово глядя на меня.

Я фыркнул.

– Знаю, но ведь все обошлось... Когда я подошел к сейфу, защита, как всегда, накрылась медным тазом, при этом, видимо, была слабая и не вопила во все горло, что уходит на пенсию... Анتماгия действует, Руфио.

– Но в той ловушке магии не было.

– Да. Сажу выдувалась механическим способом. Ну и ладно. В следующий раз меня не подловишь.

Я уставился в потолок. Пиво тихо шипело в кружке.

– Я жду, – напомнил крыс.

– Хорошо-хорошо. Но, сам знаешь, рассказчик из меня никудышный.

– Переживу, – ответил Руфио, располагаясь в своем кресле.

5

– Теперь посмотрим, кто же ты такой! – говорит хозяин особняка.

Его рука тянется и тянется, пронзая время и пространство. Нет конца этой руке. Вероятно, она трижды может опоясать наш мир, подобно змею Йормун-гангу.

Чего только не привидится от страха!

Я тупо взираю на баронскую длань с грязными ногтями. Каждый мой нерв напряжен и готов порваться, как струна на лютне менестреля. Нервы только ждут команды. Сейчас они способны не просто на колоссальный взбрык, но на взбрык всех времен и народов.

Слуги барона посмеиваются и держат меня не слишком крепко. Энтузиазма хоть куда, но, как выясняется, сноровки нет. Не каждую ночь ловят они в этом доме взломщиков, практики не наработали еще.

Раз хватка несильная, у меня есть шанс сделать ход конем. Дилетантизм ловчих очень часто помогает взломщикам сохранить как минимум здоровье.

– Гы-гы, – произносит барон.

Нет, только погладите на него! Интеллектуал!

– Чую, нечеловеческим духом пахнет! Ишь разлетался! Поди, еще и колдун? Да?

Я мотаю головой. Нет, дяденька, ничего подобного. По части магии – это не ко мне.

Видимо, его смешат мои огромные глаза над маской. Восторг и наслаждение победой поднимаются внутри баронова тела штормовой волной, давая мне лишние мгновения для принятия решения.

А, была не была! Если медлить и философствовать, дальше будет только хуже.

За секунду до того, как Заморис дотронулся до моей маски, я все-таки взбрыкнул. Этот трюк я освоил давно – один приятель показал, дока в акробатике и рукопашном бое.

Отталкиваешься, значит, обеими ногами от пола и изображаешь сальто назад. Тебя держат с двух сторон и невольно дают прочную опору, позволяя без труда сделать кувырок.

Вжииих! Все как по маслу. Мелькает по-прежнему торжествующая ряха каваронского аристократа. Потолок, стены. Чик-брик. Я уже на ногах, а мои руки свободны. Вывернулся, аки угорь. Слуги только сейчас разворачивают свои потрясенные организмы в мою сторону.

Время словно опять замедлилось. Кстати, до сегодняшней ночи я такого за собой не замечал. Может, антимагия преподносит мне такие приятные сюрпризы? Не знаю, не знаю. Над этим стоит поразмышлять на досуге.

Что теперь? Деру!

Тут я делаю второй ход конем. Я не бегу в глубину дома, которого не знаю. Нет, Локи не такой дурак. Я возвращаюсь в комнату, где очистил сейф, с намерением разобраться со зловредным окном на всю катушку.

– А! – сказал один из хозяйских костоломов, но я был уже далеко.

Моя тень с огромной скоростью пронеслась между слугами, мимо разинувшего рот барона и была у дверей уже через пару секунд. Словно ураган я ворвался в кабинет, затормозил, размахивая руками, развернулся и схватил первый попавшийся стул. Его я пристроил так, чтобы он подпирал обе створки.

Бабах! Барон и его гвардия со всего маху налетели на запертую дверь. Особняк заколебался, как тектоническая платформа, а в коридоре широким потоком хлынула изысканная аристократическая брань.

Слишком шумно. Обычно такой грохот провоцирует массовый исход спящих обитателей особняков из их кроватей и последующие народные волнения. Они мне совершенно ни к чему.

Мой профессионализм уже давно бился в конвульсиях.

Локи, так опростоволоситься – это надо уметь! Сегодня ты превзошел сам себя!

Так он мне сказал, на что я мог только фыркнуть, задрав нос.

– Навались! Навались, Хругвал вас задери! – завыл Заморис за дверью. – Он же уйдет! Скуззо, беги вниз, спусти собак! Чего стоишь? Живо!

Я замер. Собак, он сказал? Собак? Мне никто ничего не говорил ни про каких собак!

– Эй, проклятый слизень! Ты в ловушке, я все равно до тебя доберусь! – Барон приник к створке с той стороны, теща себя надеждой, что наконец-то разобрался со мной. Будет очень скверно, если это окажется правдой.

Побежав по кабинету, я вспомнил, что собирался сделать. С могучим писком, словно мышь, поднимающая тыкву, я оторвал от пола кресло, которое недавно заколол хозяин особняка, и помчался с ним в обнимку в сторону окна.

Мне удалось не запнуться и не рухнуть вместе со своим тараном, и моя миссия завершилась грандиозным успехом. Именно грандиозным, потому что добивался я не совсем этого.

Кресло врезалось в раму. С воистину сатанинским звоном и грохотом створки сорвались с креплений и полетели в беспокойную ночь. Ваш покорный слуга не сумел вовремя отцепиться от кресла и последовал за ними. Вот так номер...

Падая с такой высоты с предметом мебели в обнимку, зная, что внизу тебя не ждет ничего, кроме розовых кустов, трудно размышлять над мелочами. Еще труднее, когда ты приземляешься, обнаруживая, что обвился вокруг кресла подобно змее. Твои члены перепутались, кое-где завязались морскими узлами и представляют собой демон знает что.

Положение усугубляется мощным сотрясением, которое ты получил при столкновении с твердью земной.

Собаки! Где-то в саду собаки!

Они уже мчатся в мою сторону, высунув язык, и их клыки блестят в лунном свете. Луны, правда, сегодня нет, но, думаю, все равно блестят.

Эта мысль сверкнула в моем темном разуме яркой кометой. Мир еще звенел и раскачивался, словно колокол, но я не мог не думать о погоне. Особняк уже не спал. Я слышал голоса то тут, то там и извивался в розовом кусте, пытаюсь отлепиться от кресла. От удара оно развалилось пополам, но крепко держало меня в плену. Единственная польза, которую я от него получил, это то, что улада для седалища придавила собой большую часть колючек.

Сказав останкам кресла все, что я о них думаю, я выпутался и выскочил из ловушки. Собак пока не было, зато на крыльце особняка уже собралась целая толпа.

Высокий женский глас, который не мог принадлежать никому, кроме бароновой супруги, оглашал ночное небо, пугая нетопырей и случайных призраков, чинно плывущих в эфире. На заднем же плане тараторили служанки и прочие личности, о которых я понятия не имел. Одни звали стражу, другие предлагали вооружиться чем попало и начать прочесывание сада.

Никто, как водится, не спешил претворять свои стратегические планы в жизнь.

Через мгновение к этому высокому гласу присоединился другой. Из дома на крыльцо, топая копытами, выскочил возбужденный племенной бык. Бык заревел, объясняя супруге оперативную обстановку, чем спровоцировал такой вой, что оставшиеся в особняке стекла задребезжали.

Пока то да се, Локи мчится к западной части высокой каменной ограды. Я – бесшумный призрак, я всего лишь тень вашего ночного кошмара...

Вопли остались позади, и я сбавил ход. Уф! Сад большой, темный, и, кажется, жаждущая крови толпа не заметила, куда я побежал. Что ж, к лучшему...

И тут я подпрыгнул от ужаса. Ни с чем нельзя спутать тяжелое собачье дыхание, раздающееся в ночи. Ни с чем! Безусловно, обладая мистическим аспектом, оно вызывает про-

сто-напросто суеверный страх, даже у меня, существа, как принято считать в среде обывателей, волшебного.

Следуя древней традиции, мои волосы встали дыбом, а кожа покрылась пупырышками рекордного размера.

Положение усугубилось еще и открытием, что дыхание собачье было не в единственном экземпляре. Приехали!

Замерев, я обернулся. В пяти шагах от меня стояли, не издавая ни звука, две здоровенные псины. Все как в моем видении – слюна, пасть разинутая и блестящие клыки.

– Бонго, Пит, ищите его! – кричал неподалеку приснопамятный Скуззо, призывая своих адских подручных совершить злодеяние. – Бонго, Пит, взять! Агу его!

Псины молчали. Кажется, они вбили себе в голову, что заперли меня в ловушке и им остается только дожидаться прихода линчевателей.

Ну это уж слишком. Когда собаки, ждущие момента разорвать вас на кусочки, помалкивают, это довольно жутко, но все же есть предел. Я ушел от психованного барона и его шпаги, так неужели не уйду от этих щенков-переростков?

Скуззо пробирался через заросли, окликая своих питомцев. Казалось, напрямик через кустарник ломится здоровенная свинья.

Только бежать, ничего больше не остается.

Что я и делаю. Не просто бегу – я задал стрекача. Собственные пятки колошат меня по заднице. Оборачиваюсь. О ужас! Псины шпарят за мной в том же зловещем молчании. Их клыки уже буквально в метре от меня. В любую секунду от моей кормы могут оттяпать приличный кусок – и это станет лишь началом ночного пиршества...

До дерева, которое я использовал для того, чтобы перебраться сюда, остается метров двадцать, но как будто и не двадцать, а все двести. Мне казалось, что никогда в жизни я не бегал так медленно. Удирал ли Локи от сторожевых псов раньше, спросите вы? И да, и нет. Мне везло, потому что всякий раз удавалось запрыгнуть на крышу, оставляя зверюг ни с чем. Никогда не соревновался в беге с живоглотами на земле, потому, считаю, у меня есть право немножечко растеряться.

Дерево! Я воззвал к нему в безотчетном порыве. Мы, спригганы, любим деревья, можно сказать, мы плоть от плоти друг друга и вправе рассчитывать на взаимную поддержку. Дети лесов помогали мне и раньше – так случилось и на этот раз.

Прыгаю. Дерн пружинит, взлетаю в воздух по длинной пологой дуге – и в следующий миг незримая сила придает мне скорости. Дерево откликнулось на мой призыв и протянуло руку помощи. Давай, брат, сказала оно, я здесь, чеши быстрее.

В общем, невидимая грабля ухватила меня, после чего я врезался в могучий ствол на скорости примерно сорок километров в час.

Это было почище недавнего выпадения из окна. В коре дерева осталась вмятина от моего тела, мысли разбежались, а заодно и вся предыдущая жизнь промелькнула перед мысленным взором.

Я не видел, но догадался по звуку, что собакам так же не повезло, как мне. Разогнавшись, они врезались в дерево и, кувыркаясь, отлетели назад. Образовалась визжащая и скулящая куча-мала. Собачьи конечности и головы торчали в разные стороны безо всякой системы.

Ох! Все это, конечно, хорошо, но как же быть? Разве могу я теперь передвигаться как следует?

Выяснилось, что могу. Очухавшись на полдороге к верхним ветвям, я сообразил, что карабкаюсь, цепляясь за наросты и трещины коры. Инстинкт не подвел. Спригганы умеют налаживать с деревом что-то вроде магнетической связи, которая позволяет им прилепляться ко всему, что сделано из этого благороднейшего из материалов.

Прихожу в себя окончательно и, не забывая поблагодарить дерево за любезность, взбираюсь на ветку. Она тянется в сторону каменной стены – наиболее удобная площадка для прыжка наружу.

Сад и дом напоминают взбудораженный курятник. Бегают с факелами, орут, свистят, чем-то грозно бряцают. Приняли решение звать стражу. Я услышал, как со скрипом отворяются ворота и кто-то блеет, окликая хранителей законности.

На мою беду, они оказались близко. Наверное, стражу привлекает каким-то образом место преступления. Или мне так не везет. Не знаю.

Скуззо вопит неподалеку, подзывая своих собачек. Псины скулят, визжат, но почему-то не лают. Должно быть, не позволяют характеристики породы, а может, пытаются сохранить собственное достоинство, неслабо пострадавшее от столкновения с деревом.

Стражники, судя по тому пафосу, с которым они столпились у ворот, намерены задать мне жару. Если найдут, конечно. Аристократию они защищают всегда с превеликим удовольствием, ибо за старание свое вояки нередко получают от пострадавших пухлые мешочки с деньгами. Важно и то, что мешочки эти налогами не облагаются и не попадают на глаза начальству.

В общем, барону стражники сообщили, что сейчас будут оцеплять территорию.

Он (я) не мог далеко уйти – и вообще, от них еще никто не уходил.

Ну-ну. Посмотрим. Дайте мне только добраться до какой-нибудь крыши.

Локи Неуловимый снова вошел в форму и, показав Неумолимому Року язык, взялся за дело.

Снова прыгаю, отталкиваясь от ветки, делаю сальто, пролетаю над гребнем стены и приземляюсь на мостовую в каких-то двадцати шагах от стражи.

Всегда бы все проходило так гладко.

– Э! Это же вор! Стоять! Стоять, не то...

Самый расторопный стражник срывается с места, как по сигналу стартового арбалета, и трусит ко мне. Жало его алебарды блистает в свете уличных фонарей, глаза воинственно выпучиваются.

– Стоять! – орут на всю улицу вооруженные гориллы. – Окружай его, окружай! Держи! Лови!

Орда рыл в пятнадцать несется в мою сторону, набирает скорость, словно пущенная под гору телега. Следом за ней барон во главе личной гвардии из слуг прикрывает арьергард. Родовой клич разносится далеко за пределы квартала, а уже знакомая мне шпага рассекает воздух.

Только посмотрите! Все на одного, будто это не я, худосочный спригган, а вражеский отряд, злостно нарушивший границы королевства. Впрочем, уверен, что никто из этих поборников закона и порядка не вышел бы против хорошо вооруженного многочисленного врага. Уж во всяком случае, не так воинственно и с меньшим воодушевлением.

Перебежав через улицу, я заставил основную массу стражников изменить направление. Ряды их несколько смешались, что повлияло на скорость погони. Пользуясь случаем, я двинул вдоль домов.

Дзонг! Это что такое? Краем глаза успеваю заметить арбалетный болт, звезданувшийся в каменный выступ стены впереди меня.

Нехорошо, нехорошо, нехорошо. Крутятся, болт отскакивает в темноту переулка. Еще одну такую штуковину отправляют мне вослед с пламенным приветом. Мазилы!

Может быть, и мне нырнуть в переулок? А что, неплохая мысль. Там в меня целиться из арбалетов будет сложнее.

Нельзя. Надо придерживаться схемы. Точка, где я перейду на второй этаж, впереди, надо только пробежать полквартала.

Стражники чешут, как стадо мастодонтов, спасающееся от степного пожара.

Я держусь от них на расстоянии тридцати шагов и не слишком напрягаюсь. Им не сладить со мной в гонке на длинные дистанции. Они люди, они толстые, они орут, тратя силы, на них кольчуги, а в руках тяжелое оружие. Опасаться надо лишь арбалетных болтов, имеющих неприятную привычку вонзаться тебе, бегущему, в спину. За свою карьеру я, конечно, ни разу не испытал подобное удовольствие, но могу представить, каково это. Фогард Бом-Бом показывал мне шрам на плече, куда однажды угодила эта металлическая дура длиной вполлоктя.

Стражники теряют темп, но вперед вырывается сам барон и двое слуг в придачу. Шпага и пара дубинок – вот что они приготовили для меня. Здесь-то и приходится поддать газу. Хозяин особняка был настолько поглощен жадой справедливого возмездия, что позабыл обо всем на свете. Превозмогая свои физические возможности, Заморис мчался за мной, словно мстительная горгона. Сдается мне, ожерелье супруги он любит как свое собственное. Ну еще бы! Стоит эта штучка с бриллиантами не меньше пяти тысяч золотых талеров.

Мой спасительный плацдарм уже близко. Вон тот дом. Надо только слегка поднапрячься.

Ветер в ушах, глаза прищурены, корпус, согласно законам аэродинамической магии, наклонен вперед, голова вжата в плечи. Моя кривая тень следует за мной по пятам. Учитесь, юные взломщики, пока я жив!

Кстати о птичках!

Стражники дарят мне на память еще несколько выстрелов из арбалета. Жив-то жив, но надолго ли хватит моего потрясающего везения?

Впрочем, все болты мимо. Если они и дальше будут так мазать, их могут попросить со службы, думаю я и вижу, что они уже не позади меня, а впереди. Стоп, это не те, другие. Чинно выворачивают из-за угла и останавливаются. Семеро. Да что, в самом деле, такое? Откуда их столько сегодня? Спецоперация? Или приступ трудолюбия скрутил?

Выход был один-единственный. Газанув в два раза быстрее, чем раньше, Локи промчался мимо остолбеневшей семерки и был таков. На ходу зацепился за кронштейн, на котором висела вывеска какой-то лавки, крутанулся, присел и запрыгнул на карниз.

Спустя две секунды стражники, новые и старые, а также пламенный воитель со шпагой оказались подо мной.

– Стреляйте! – вопил кто-то козлиным голосом. – Он там!

Толпа бегущих стражников врзалась в толпу стоящих, и могучие тела повалились на мостовую. Барон шмякнулся на пузо, точно громадная грелка с водой, за него зацепился один из слуг. С воем бедняга улетел в сточную канаву, а его дубинка покатила под ноги несчастливому стражнику. Радетель закона поехал на деревяшке и грохнулся на спину.

Пока куча-мала кипела на брусчатке, я успел вскарабкаться на черепичный скат. Здравствуй, дом родной! Тому, кто изобрел крыши, когда-нибудь я поставлю памятник. После колеса это вторая по нужности вещь в быту.

У меня словно крылья вырастают, а вес тела сокращается втрое.

С дома на дом порхаю, аки беззаботный кузнечик с травинки на травинку.

Звезды улыбаются мне, встречные кошки уважительно качают головами, а голуби, как всегда, хлопают тупыми глазенками.

Через полминуты замечаю, что шум погони хотя и отодвинулся назад и вниз, но не прекратился.

Смотрю, а стражник, уже с подкреплением, все еще гонятся за мной, только теперь они внизу, а Локи Неуловимый сверху. Упорные попались, однако. Вероятно, речь идет уже о чести мундира, а не просто об уходящем из рук тугом кошелечке с талерами. Помимо неизбывной страсти к коррупции радетели закона обладают и обостренным чувством собствен-

ного достоинства, что часто мешает им находить общий язык с простыми обывателями. Кто не так посмотрит – сразу в кутузку. Подобные фокусы не добавляют стражникам популярности у горожан, но им на это начхать. Кто с алебардой, тот и прав – этот принцип определяет всю суть нашей правоохранительной системы.

Я остановился, чтобы немного перевести дух. Стражники в свою очередь дали по тормозам, ругаясь на чем свет стоит, и попросили меня спуститься.

Я сказал, что никогда в жизни. Стражники пришли в еще большую ярость, а Заморис, так и не получивший до сих пор ни единой капли моей крови, совсем слетел с катушек.

Бедолага прыгал, дергая ногами, словно пораженный каким-то волшебным недугом, брызгал слюной и ревел на весь город. По праву рождения барон осыпал стражников руганью, не опасаясь угодить куда следует, тряс перед ними своими связями и обещал покарать нерасторопных.

Стражники тяжело дышали, рассматривая то меня, то барона налитыми кровью глазами. Может, думали, что крикуна прихлопнуть легче, чем вора, стоящего на краю крыши? Вполне допускаю. Манера скандалить у аристократа была на редкость омерзительной. Долго ее выдерживать не мог даже самый непритязательный слуга закона.

Один из них, судя по перу на каске, старший, в конце концов прорычал, чтобы барон незамедлительно заткнулся. И барон заткнулся. От неожиданности.

Стражники вздохнули и приготовились стрелять. Арбалеты вздернулись кверху и выдали свистящий залп из болтов. Смертоносные железяки прошили ночной воздух в том месте, где только что был я.

Адью! Пишите письма!

– Держи, держи! – крикнул один из стражников. Его призыв прозвучал словно глас вопиющего в пустыне.

Другой стражник, покрепче, огрел его по затылку:

– Заткни хайло, недоумок!

Слуги закона тоскливыми взглядами провожали мою стремительную фигуру, исчезающую на горизонте. Через пару мгновений я перелетел пятиметровый темный зев между зданиями и окончательно затерялся на городских просторах.

Заморис выплыл из забытья, и его взгляд наконец обрел хоть какую-то осмысленность. Вряд ли сейчас барона мог узнать кто-нибудь из знакомых, славящихся голубыми кровями. Не было блистательности, лоска и чопорности, чем всегда страдал этот господин. Зато были всклокоченные, мокрые от пота волосы, красное лицо, вытупленные глаза и перекошенный рот. Домашняя хламида в результате погони превратилась в лохмотья. Одну тапку барон потерял. Видимо, там же, где посеял и свою фамильную шпагу.

– Чего встали, ослы вонючие?! Чего стоим?! В погоню! – В бароне снова проснулся племенной производитель. – Да я вас всех сгною в яме! В каменоломнях! В шахтах!

Стражник с пером наклонил алебарду в сторону скандалиста. Тот поперхнулся и уставился на острие. Затем оглядел толпу слуг закона, которые пялились на него из-под сдвинутых бровей.

– Сам и беги! Сам и гоняйся за этим хмырем! По крышам! – сказал старший. – Нам за это не платят! Идем, парни!

– Но... но... я заплачу. Я... вознаграждение!

Это и многое другое бормотал потрясенный подобным наплевательством барон, глядя в широкие спины стражников. Но ему не ответили. Слуги закона обладали обостренным чувством собственного достоинства. Ни один из них ни за какие коврижки по крышам скакать не собирался.

6

– Занятная история, – сказал Руфио, вытирая слезы. Пока я рассказывал, крыс почти все время валялся кверху пузом и хохотал.

Вообще-то не помню, чтобы собирался порадовать компаньона свежим анекдотом.

– Вполне рядовая, – ответил я.

Кружка с пивом опустела, но идти за новой мне было лень. Наваливался сон, и вежды мои смыкались сами собой. Долгая была ночь.

– Но, согласишься, ты практически провалил задание, – сказал Руфио. – Ай-ай-ай, Локи, как же так можно было?!

– Можно.

– Тебя чуть не поймали!

– Ну и что? Не поймали ведь.

– Ты настолько халатно относишься к собственной безопасности? Не узнаю тебя. Твои прежние выходы в ночь были такими, что и комар носа не подточит. Конечно, тогда с тобой был я, всегда помогающий добрым советом, но ты и сам должен думать... Не первый день в бизнесе.

– Случайность, не более, – огрызнулся я.

– Знаешь, думаю, твое невезение – это результат компенсации за твои способности и антимагию. Обратная сторона. Сколько раз ты соприкасался с твердыми предметами и поверхностями, это ж уму непостижимо! Не знаю таких взломщиков, которые бы блистали столько же сильным талантом влипать в неприятности!

– Не знаешь, – согласился я. – И твое счастье. Считай, что я уникам.

– Ты – уникам, – сказал крыс, взяв в лапу хвост и покручивая им, как цепочкой. – В этом вся и проблема.

– Что?

– У таких, как ты, все не так да не этак.

– Слушай, давай отложим этот разговор, – пробормотал я. Мое туловище к тому времени успело растянуться на кровати, принимая позу для сна. – Философия... рассуждения... то ли ты старым становишься, крыс, то ли дурным, то ли все разом. Я не первый день в бизнесе, а ты не первый день меня знаешь. Успокойся. Всем вещам свой порядок, и они идут так, как положено.

Руфио с возмущением запищал:

– Но я же о тебе забочусь, спригган несчастный!

– И насчет компенсации или чего-то там еще мне известно. Закон сохранения энергии. Слышал?

– Чего?

– Что из одного места убывает, в другом месте прибывает, – сказал я, еле ворочая языком. – Как-то так...

Спать. Спать. Спать.

– Эх, Локи, Локи! Когда-нибудь тебе это выйдет боком, – вздохнул Руфио. Его голос я слышал из далеких далей, а сам покачивался на благостных волнах моря сновидений. – Хотя, надеюсь, мой прогноз не оправдается...

7

У Фогарда Бом-Бом есть официальный бизнес – лавка под претенциозным названием «Сокровищница королей». Бывший вор торгует всякой дребеденью, которую по какой-то причине принято называть антиквариатом. Большая часть его товара – откровенный грошовый хлам, не нужный никому, кроме чокнутых коллекционеров. Впрочем, своя прослойка постоянных покупателей, немаленькая, существует и у него. Не будь Бом-Бом моим агентом и не проворачивай темные делишки на стороне, он бы мог жить безбедно, однако криминальная натура этого человека не дает ему стать честным обывателем.

Для отставного взломщика это теплое местечко. Немногим из нас удастся найти себе такую берлогу, где можно было бы спокойно дожить до старости и скончаться в постели в окружении рыдающих родственников.

Правда, родственников у Фогарда не водилось, но из этого он трагедии не делал. Его супруга, плававшая когда-то на пиратских кораблях, не дожила до сегодняшнего дня по трагической случайности. Однажды перепив рома, в бурную ночь она вышла на палубу и перевесилась через борт, чтобы облегчить желудок. Кончилось тем, что пиратка сиганула в кипящие волны и сгинула на веки вечные. Так гласит официальная версия. Портрет дамы с твердым подбородком и сверкающим глазом (второй закрыт засаленной повязкой) висит в лавочке у Фогарда на почетном месте.

Добравшись до места назначения, я остановился у входа и посмотрел по сторонам.

Конспирация в моем деле – великая вещь. У каждого взломщика помимо глаз, отпущенных природой, должна быть дополнительная пара еще и на затылке, и ею я пользуюсь постоянно.

Как обычно, никакой слежки. Но – опять же как обычно – я начеку.

Для разнообразия иногда я вползаю в «Сокровищницу» через черный ход. Сегодня решил вползти через белый.

Навстречу мне выдвинулась важная матрона с носом крючком и резной каменной шкаптулкой в руках. Не иначе Фогард впарил ей какую-нибудь новинку, нашелестев по секрету, что сей артефакт был вывезен из древней гробницы какого-нибудь волшебника прошлого. А как же иначе? Кому хочется знать, что дорогушая безделушка, стоящая на каминной полке, всего лишь подделка, рожденная в гномских мастерских Среднего Мурталаха?

Бросив взгляд на полупустую улочку, изгибающуюся к северо-западу, я вошел. Дама с носом погрузилась в карету и умчалась со скоростью ветра. Правильно, какой каваронец не любит быстрой езды?

Фогард Бом-Бом сидел за прилавком и, нацепив очки, погружался в сладостный мир бухгалтерской отчетности. Его лысина блестела, словно натертая воском, а бакенбарды пушились после недавнего похода в баню. Бом-Бом маленького роста, и иногда его принимают за гнома. Сходство подчеркивается кряжистостью и жилеткой с теплой подкладкой.

– Приветик, – сказал я, подцепляя локтем какую-то вазу.

Фогард вздрогнул. Я успел подхватить антикварную вещицу и водрузить ее обратно на постамент.

– Локи, ты меня в гроб вгонишь когда-нибудь! – произнес Фогард, промокая лоб платком. – Мне каждый раз дурно делается, когда ты появляешься. Удивительно, как ты не разнес до сих пор мою лавку. – Агент закрыл потрепанный с краев желтый грессбух.

– Ты всегда в хорошем настроении, Фогард, – сказал я, приближаясь к прилавку.

Здесь надо было всегда внимательно смотреть в разные стороны. Хлам, хлам, сплошной хлам. Он свисает с потолков, заполняет полочки, шкафчики и вообще большую часть свободного пространства. Зажигательную полку тут не станцуеть.

- Не жалуюсь. Как дела? – Агент посмотрел на меня поверх очков.
- Нормально, старина. Дельце сляпано. Фогард кивнул, глядя на улицу в окно:
- Хвост?
- Ни малейшего.

Я посмотрел на одноглазую супругу бывшего взломщика. Пиратка ничуть не изменилась с тех пор, как пускала на дно корабли и бороздила моря-океаны на быстроходных каравеллах.

На меня она взирала с высокомерием. Я не был ее мужчиной.

– До меня тут дошли слухи... – сказал агент.

Я умудрился смахнуть с прилавка какую-то бронзовую статуэтку. Бац! Артефакт загремел по полу.

– Извини...

Вечно так – стоит чему-то упасть, оно откатывается или отскакивает в самые непостижимые места. На этот раз непостижимым местом оказалась узкая щель между шкафчиком и полом.

Я согнулся в три погибели и приготовился сунуть туда руку, как Фогард сказал:

– Локи, брось это! Брось, прошу. Иначе случится несчастье!

Он прямо трясется над своими сокровищами. До чего же с годами стал меркантильным.

– Ладно.

Я принял вертикальное положение, с идиотской улыбкой победителя на лице.

– Сегодня ночью поднялся шум. Ты чуть не попался?

– Д-да, чуть не попался. Руфио мне все уши прожужжал на этот счет.

– Слушай его, слушай. Иначе кто наставит тебя на путь истинный? – Агент выставил в мою сторону палец с золотым кольцом. – По-моему, ты стал слишком халатно...

– Ой, не начинай! Я этого не вынесу! Все, все, все! Я извлек урок и все прочее! Умоляю, без нотаций и мастер-классов по взлому!

Фогард долго смотрел на меня. В его взгляде читалась скорбь безутешного отца, который понял наконец, что его чадо, несмотря на все старания, пошло-таки по кривой дорожке. Моя улыбка померкла, как звезда, закрытая нежданной тучкой. Ну что уж прямо так уж?..

– Хорошо, – сказал агент. – Я просто не хочу, чтобы ты угодил на виселицу.

– Сплюнь!

– У себя в лавке я плевать не буду. – У-у!

– Итак. Часть города, к которой имеет отношение наш бизнес, несколько взбудоражена. Стражники бросились шерстить тучные нивы. Понял, о чем я?

– Неужто барон Заморис надавил на них и заставил бегать по-настоящему?

– Иногда они могут.

– Да, – кивнул я, вспоминая ночные приключения. – Но не слишком далеко и быстро. И стреляют из рук вон плохо.

– Стреляют?

– Ага. Плохо стреляют. Иначе бы я с тобой тут не стоял.

– Понял. Неважно. Разумеется, никто не знает, что именно ты обул жену барона на чертову горсть чистейших бриллиантов. Тут все честь по чести. Конфиденциальность, конспирация на уровне. Просто будь осторожн...

– Ты же обещал, что не заведешь эту шарманку снова!

– Не завожу, не завожу. – Фогард понизил голос: – Ты принес?

Я хлопнул себя по груди. Завернутая в обычную тряпицу, там лежала штука немалой стоимости.

– Угу! Пойдем, Локи, обговорим детально... Надо было видеть это преобразование. Внутри Бом-Бом словно чародейская лампочка зажглась. И сам он подобрался, будто кошка, идущая по мышинному следу. Вот! Другое дело. Это больше похоже на старого доброго взломщика, с каким я когда-то познакомился.

Фогард вышел из-за прилавка на цыпочках, добрался до двери и, поглядев через стекло на улицу, выставил табличку «Закррито». Еще он опустил занавеску и задвинул толстую металлическую щеколду.

– Идем. Знаешь, тут кое-что наклеывается. Ожидаю заказчика.

– Мне надо присутствовать?

– Да. Он желает поговорить с тобой. Бом-Бом увлек меня к двери в одну из двух задних комнат, где проходило множество важных встреч.

Я увлекся, опрокинув по дороге пюпитр с лежащим на нем гримуаром в обложке из черной кожи лисирского василиска.

– Не обращай внимания, Локи. Пусть валяется. – Э...

– И на это тоже... Хм... это была не такая и дорогая штука – подумаешь, майенский фарфор, ерунда несусветная! А вот здесь осторожней! Локи! Ай! Тьфу! Не успел я продать эту идиотскую маску, хотя уже покупатель наметился... Что? Нет, она была лучше, чем статуэтка. Она... аутентичная... мне привезли ее из... Впрочем, что теперь-то?..

Я хотел извиниться за весь тот погром, который учинил в его святилище, но Фогард, кажется, и слушать не хотел. Придержав меня за плечо, когда я зацепился носком ботинка за порог, он подмигнул. Подмигивание такое обычно означает, что новое дельце обещает выгоду. В его случае выгода – тридцать процентов от моего гонорара. Грабеж? Грабеж. Но мы ведь еще и друзья, поэтому я прощаю ему такую разбойничью ставку.

Дверь закрылась. В этой комнатке было уютно, и здесь я всегда чувствовал себя в своей тарелке. Звукоизоляция и прочие ухищрения (немагические, ибо Локи все равно все это нарушит) позволяли добиваться высочайшего уровня приватности.

Вот кресло, в котором всегда покоится мое тело во время важных разговоров. Бросив в него свои мощи, Локи скрестил ноги.

– Ну? – Мой агент дрожал от нетерпения. Ладно, не будем мучить заслуженного пенсионера. Вынув ожерелье, я протянул его Фогарду. Бывший взломщик, кудахтая, развернул тряпицу. Бриллианты засверкали, бросая по сторонам острые искорки бликов. Бом-Бом вставил в глаз специальную ювелирную лупу и склонился над моей добычей.

– Великолепно. Высший сорт. Камешки просто уникальные.

– Мы и так это знали.

– Одно дело, когда тебе говорят, другое – когда сам видишь. Да! Шикарная вещь, провалиться мне на этом месте! За всю карьеру мне попадалось в руки не больше полудюжины таких. Сама работа изумительная, смотри.

– Руфио тоже выпал в осадок, когда его увидел, – небрежно заметил я.

– Твой крыс не дурак, – сказал Бом-Бом, поднимая ожерелье к свету. – Немудрено, что Заморис поднял такой шум. Ты отлично поработал, старик, я всегда говорил, что ты лучший. Только до сих пор не понимаю, как в тебе сочетается несочетаемое.

– Это как?

– Способность приносить разрушения, профессиональные навыки и спригганские способности.

– Боюсь, никто этого не знает. Так что за дельце? О чем ты говорил?

– Подожди.

Фогард завернул ожерелье в тряпицу куда бережнее, чем я, встал и подошел к замаскированному стенному сейфу. Секретное нажатие на секретную панель – и отодвигается крышка люка. За ней уже сам тайник – ящик из прочной стали, вмурованный в кладку. Агент

всерьез утверждал, что даже мне не открыть эту штуковину. Впрочем, проверять я не собирался.

Через минуту Фогард вернулся на свое место и сцепил руки на животе, крутя мельницу большими пальцами.

– Сейчас десять минут первого. Минут через пять должен прийти клиент. Вчера мы провели предварительную беседу. Обещают кругленькую сумму.

– Какую?

Бом-Бом назвал. Действительно кругленькая.

– Что брать? Где?

– Пока не знаю.

– Что за клиент?

– Думаешь, я у каждого спрашиваю имя? Никогда!

– Эх, всегда на это надеюсь!

– Ну и дурак!

– Шутка.

Фогард покряхтел, улыбаясь.

– И? – спросил я.

Бывший взломщик округлился, словно надувная уточка для ванны. Я состроил гримасу, намекающую, что хватит валять дурака.

– Да ничего такого, – сказал агент, – просто я видел сон, в котором мы с тобой сказочно разбогатели. Сказочно, Локи. Я смог уехать из Кавароны на юг, на океанское побережье, и поселиться в тиши и уединении, вдали от суетного мира. Ты же знаешь, я родился неподалеку от вод морских.

– Впервые слышу о таком. Ты мечтаешь о тиши и уединении?

– Да. Что здесь странного?

– В целом ничего. Но сможешь ли ты выдержать хотя бы месяц без своего бизнеса? Вернее, хотя бы без одного из бизнесов?

– Могу. Это и есть конечная цель, – сказал Фогард.

Я издал тихий свист. Агент погрозил мне пальцем. Мол, прекрати – денег не будет.

– Ты сошел с ума, – заключил я.

– Нет. У каждого должна быть маленькая уютная мечта. У меня она такая.

– А что делал я в твоём сне? Стал королем?

– Ты женился.

– Что? Ты же сказал, что сон был хорошим! – возопил я.

– Он и был хорошим.

– Ничего себе.

– Ты женился, и у тебя появилось потомство. Многочисленное.

Кажется, у меня случился сердечный приступ. Я хватал ртом воздух, как после марафонской дистанции. Фогард удивленно почесался. Ему, уже состоявшему в браке, было не понять моих чувств. Не то чтобы я был категорически против, но...

– И кто была моя супруга? – рискнул спросить я.

– Извини, не разглядел.

– И что, я был счастлив и богат, как ты?

– Да. А разве ты по-другому представлял себе свое будущее?

На этот вопрос мне, к счастью, отвечать не пришлось. Исполнение приговора отсрочило появление очередного заказчика, того, что обещал явиться в двенадцать пятнадцать. Об этом мы узнали по звону небольшого колокольчика. За веревочку, к нему привязанную, дергал некий субъект, стоящий у черного хода.

Фогард проявил необычайную резвость и в мгновение ока, ничего не сказав, выскочил из комнаты.

Я остался, по-прежнему оглушенный женитьбой и многочисленным потомством. Больше всего меня страшило обстоятельство, что кошмары имеют свойство сбываться.

8

Обычно заказчики стремятся всеми силами изменить свою внешность. Им кажется, что, если они приклеят синюю бороду, мохнатые брови или усы, свисающие до пупа, их будут воспринимать в двадцать раз серьезнее. Подобное заблуждение все еще имеет место в среде личностей, ступивших на преступный путь, и, если во вкусе им при рождении было отказано категорически, пиши пропало. В лучшем случае дело ограничивалось плащом с глубоким капюшоном, что скрывает физиономию, и замогильным голосом. Или, на худой конец, карнавальной маской, какие почему-то любят надевать женщины.

Все это напрасная трата сил и времени. Поверьте, на нас, профессионалов взломщического фронта, подобные фокусы производят только одно впечатление из всех возможных. Мы давимся от смеха, хотя внешне остаемся серьезнее не бывает.

Случается, конечно, что заказчику наплевать на условности, и он приходит в каморку Фогарда словно к себе домой, без маскировки и вороха театральных эффектов. Такие субъекты сразу настраивают на нужный лад.

Так же было и с этим типом. Он вошел, плюхнулся на стул и, мне показалось, еле сдержался, чтобы не забросить на край стола ноги в ботфортах. Что-то в нем было залихватское, роднившее его с ландскнехтами, рейтарами и прочей бродячей военной братией. Подкрученные кавалерийские усы, может быть? Или сверкающие, словно у мартовского котяры, зеленые глаза? Думаю, и то, и другое, и сама манера держаться.

Одет не вычурно, даже скромно, но во все дорогое. На голове шляпа. Тяжелая шпага на поясе – вообще произведение искусства. На эфесе блестят весьма недешевые камешки, и сам он почти целиком из золота.

Фогард уже знал его. Мне заказчик представился бароном Виртольдом – без всяких церемоний и громогласно.

– Так-так, – сказал он, улыбаясь. Такими улыбками сбивают с ног женский пол, однако и мы с Бом-Бомом почувствовали некую дезориентацию. – Вся честная компания собралась! Здорово!

– Не могу не согласиться, – ответил я. Виртольд не мог не располагать к себе, но все равно я шурился вежливо-настороженно.

Собственно, он такой же барон, как я – учитель танцев. Впрочем, не отрицаю, что титул имеется, полученный не так давно за какие-нибудь заслуги перед короной. В остальном же Виртольд производил впечатление чистопородного авантюриста, разбойничьей крепкой косточки и всего такого прочего. Короче, человек из смежной сферы деятельности.

Прелюдия закончилась, пора приступать к делу. Фогард Бом-Бом предложил Виртольду вина, но тот отказался. Тогда предложил мне. Я сказал, что не против промочить голосовые связки.

Вино появилось из другого потайного шкафчика. Пока оно лилось в кубки, Виртольд рассматривал меня немигающими веселыми глазами и подкручивал левый ус. Еще когда он вошел, я заметил, что на мизинце его левой руки не хватает фаланги. В целом же его верхние конечности, как можно было ожидать, безусловно, принадлежали фехтовальщику, а не просто щеголю, который таскает с собой шпагу только для того, чтобы при помощи нее охмурять юных дев.

– Так, – сказал Виртольд, – не люблю долгих церемоний! Давайте сделаем все быстро, даже по-военному, если не возражаете!

– Служили? – поинтересовался я.

– Доводилось. Там да сям. Во славу его величества. – Виртольд махнул рукой. – Ладно. Это к делу не относится. Вы спригган? Знаменитый Локи Неуловимый?

- В точку.
- Все, что о вас говорят, – это правда?
- Ну говорят многое, – ответил я, скромно покрываясь румянцем.
- Что вы... обладаете этой штукой... антимагией, что ли?
- Обладаю.
- Хорошо. Очень занятно. Я никогда о таком не слышал.
- Ну вообще-то я такой один.
- А другие спригганы не владеют антимагией?
- Насколько я знаю, нет.

Виртольд довольно кивал. Все это походило на допрос, но чего только иной раз не услышишь от господ заказчиков. Бывает, спрашивают такое, что волосы дыбом поднимаются. Понять их можно – в таком щекотливом деле любому нужны твердые гарантии.

Нынешний гость не стал исключением.

– Позвольте провести в этой связи небольшой тест, – сказал барон, посмотрев сначала на меня, потом на Фогарда.

– Какой тест? – Агент строил из себя моего строгого дядюшку. Он всегда такой, когда возникает необходимость отстаивать мои интересы. – Для чего?

– Я хочу убедиться в наличии этого уникального дара у Локи Неуловимого. Ничего личного, просто небольшая предосторожность.

Я хмыкнул. Видали и такое. Не все клиенты, конечно, знали про антимагию, но те, кто знал, тратили некоторое количество времени, чтобы раздобыть тому доказательство.

Однажды тут был волшебник. За большие деньги он предлагал мне провести полнейшее обследование моего организма, ну полнейшее, разве что не заикался о вскрытии (хотя, наверное, и мечтал об этом). Я отказался наотрез, хотя нуждался в средствах, а Фогард едва не выставил кудесника за дверь при помощи тяжелой палки.

Виртольд достал из кармана какую-то вещьцу ромбовидной формы, с гравировкой, изображающей паука.

– Это амулет. Его назначение – уберегать носителя от различных болезней. Он индивидуален, изготовлен на заказ. Его не может взять в руки никто другой, кроме меня. Если кто-то его сворует, то далеко не унесет, потому что амулет моментально нагревается до высокой температуры. Испытано неоднократно. – Барон с вопросом воззрился на меня, потягивающего вино из кубка. – Я привык во всем пользоваться проверенными данными, – добавил он. – Повторяю: ничего личного. Если у вас есть антимагия, вам нечего бояться. Дело есть дело.

Фогард недовольно побряхтел, передвигая туда-сюда свое седалище.

– Решать тебе, Локи. Извините, господин барон, это не от недоверия к вам, однако... надо всегда быть начеку...

– Вот именно, – отозвался Виртольд, глядя не на него, а на меня.

– Какая разница, – ответил я. – Результат один.

В моем присутствии не работало ничто магическое. Моя аура начисто вырубала любые сильные заклиния – даже пятого и шестого уровня, если я правильно помню. Те, кто приходил сюда с багажом разных волшебных бирюлек в карманах (многие носят их пачками, на все случаи жизни), вскоре убеждались, что их талисманы, амулеты и обереги потеряли свою силу.

Виртольд был не дурак. Наверняка, кроме этой безделицы, он больше ничего с собой не взял.

Посмотрев в его сверкающие веселые глазищи, я хмыкнул и взял паучий амулет.

Взял, покрутил в пальцах, подкинул несколько раз.

В комнате шумно дышал Виртольд.

– Три тысячи демонов! Это правда! – прохрипел он. – Однажды я сам видел, что случилось с пальцами карманника, который попробовал его у меня стащить!

– Придется вам теперь его выбросить, – сказал я, кладя амулет на стол. – Или обратитесь к волшебнику, который накладывал заклятия. Хотя, опыт показывает, это бесполезно.

Виртольд покачал головой с нескрываемым, как говорят, уважением. Мне было лестно наблюдать, насколько сильно ошеломлен клиент. Обычно это поднимало меня в собственных глазах.

Барон спрятал бесполезную теперь безделушку в карман.

– А разве не должно быть при этом... ну не знаю – шума, грохота, фейерверка? Ну когда чары лопаются?

– Такое бывает, – ответил я. – Нечасто. Когда массивы заклятий опутаны сигнальными нитями, они могут производить все то, что вы сказали. Но для этого требуется высокая квалификация мага. Он должен так сотворить образ, чтобы сигналка вырубилась чуть позже всего остального и успела проорать «Караул!». Сталкивался я с подобным. Это единственное, что может стать препятствием на моем пути, ибо на вой и треск обязательно сбегается охрана. Но опять же – это исключение. Если вы используете особые заклинания-отмычки, которые борются с такими защитами, тогда другое дело. Тут я не специалист. Мне особых знаний не требуется.

– Значит, и волшебством вы заниматься не...

– Не пробовал. Какой смысл?

– В самом деле, десять тысяч молний! – захохотал Виртольд, хлопая себя по коленкам. – Выходит, и заколдовать вас невозможно?

– Нет. Попытки были, но, как видите, я – это все еще я, а не кто-нибудь другой.

Барон запрокинул голову. Так гогочут в кабаках и на постоянных дворах подвыпившие гвардейцы.

Фогард снял очки и с хмурой физиономией протирал их квадратным кусочком мягкой ткани.

Я допил вино:

– Надеюсь, я удовлетворил ваше любопытство, Виртольд? Давайте поговорим о деле.

Барон подкрутил ус и с прищуром посмотрел на меня. Да, этот субъект себе на уме. С двойным дном. Не исключено, что оно не единственное. Встречаются такие – словно гномская шкатулка. Открываешь одну, а в ней еще одна, а в ней еще одна и еще – и так далее. Пока с ума не сойдешь.

– Дело! Конечно, дело! Знаете, спригган, я много чего видел в жизни, но вы меня поразили. Я даже забыл, зачем пришел! Вспомнил, да!

Фогард вернул очки на место и сверкнул ими в сторону заказчика. Ни дать ни взять строгий судья.

– В общем, есть одна штука. Хранится она в одном месте. И эту штуку необходимо оттуда изъять. Такова схема.

– Она неизменна со времен творения, – выдал профессиональное заключение Бом-Бом.

– Угу. Эта вещь содержится не под охраной. Она в тумбочке.

– В тумбочке? – спросил Фогард. – Думаете, стоит нанимать сприггана для того, чтобы он по тумбочкам лазил? Придумайте что-нибудь посложней!

– Дело в том, что через несколько дней эту штуку передадут в банк, под надежную охрану. В самое современное и защищенное хранилище.

– А именно? – спросил я.

– Не так и важно, – отмахнулся Виртольд. – У меня нет намерения лезть в банк и нанимать вас для этого. Куда проще не дожидаться, пока положение осложнится, верно? Значит,

тумбочка в самый раз. Итак, все просто: комната на втором этаже особняка, спальня. Охрана проводит обход окрестностей с интервалом в час. Окрестности – это сад.

– А собаки?

– Собаки? Их нет.

Я улыбнулся. Сад без собак, которые гоняются за тобой и даже не лают, мне нравился.

– Кто клиент? – спросил Бом-Бом. Виртольд покручивал ус. На несколько мгновений неизвестная сила увлекла его в сторону. Об этом можно было судить по отрешенному, задумчивому взгляду, какой встречается у жующей коровы.

Так-так, сказал я себе. И повторил: так-так. Не имея понятия, что это значит.

Червячок сомнения точил мою эльфью душу.

– Насколько я знаю, вам имена не нужны. Или меня неверно информировали? – Виртольд почти фыркнул. Значительная часть веселости исчезла из его взгляда.

Так-так, снова подумал я.

– Господин барон, нам нужно все, что относится к делу. Если имя клиента может как-то помочь, то оно нам тоже пригодится, – объяснил Бом-Бом, крутя мельницу большими пальцами.

– Не думаю, – сказал Виртольд. – Имя его вам точно не пригодится. Он человек богатый, влиятельный, и у него есть то, что нам нужно...

Мы с Фогардом вежливо молчали. Как стряпчие на оглашении завещания.

Виртольд кашлянул и хлопнул своими ландскнехтскими зубами.

Очень забавно выходит, когда заказчик проговаривается. Он выстроил в своем уме целый героический эпос, пока шел сюда, он сочинил историю, думая, что нам есть какое-то дело до его личной жизни. По ходу беседы заказчик частенько забывается и неожиданно выдает истинные причины, по которым он решил прибегнуть к помощи взломщика. Ну, решил и решил. Я не сую свой спригганский нос в чужие дела – это одно из правил профессионала. Имейте в виду, что истинного мастера своего дела ваши мотивы занимают в самую последнюю очередь.

Барон наступил на те же грабли. Конечно, он не высыпал на нас всю подноготную, но все равно – это «нам» отложилось в моей памяти.

– Мне необходима та штука, – сказал Виртольд. – И как можно быстрее.

– Как скоро? – осведомился Фогард, качая головой, словно дрессированный слон.

– Послезавтра.

– Вопрос ребром. Что я должен украсть? Позвольте узнать?

Виртольд прищурился. Его взгляд вдруг стал тяжелым и прямо-таки вдавил меня в кресло.

– Прямоугольная коробочка, деревянная, обитая бархатом. В ней лежит изумрудная брошь. Послезавтра ночью хозяина не будет дома, поэтому плацдарм для маневров он вам предоставляет. Все просто. Быстрый наскок и отступление. Слышал краем уха, что быстрота и ловкость – ваш конек.

– Вроде того, – ответил я.

– Примените для этого дела весь свой арсенал. – Виртольд, кажется, вспомнил, что должен играть роль грубоватого и своего в доску рубахи-парня. – Беретесь? Три тысячи демонов, будь я взломщиком, я бы уже мчался к объекту!

– Мы помчимся, но не раньше, чем узнаем все детали, – отозвался мой агент. – Начнем с гонорара.

– О-о! Простите, господа, я не учел всех особенностей. Просто вы поразили меня этой штукой, антимагией. Гонорар. Да. Вот тут задаток. Одна треть суммы. Остальное при окончательном расчете. – Барон протянул Фогарду кошелечек. Классика.

Внутри были новенькие золотые талеры. Бом-Бом вынул их на свет, осмотрел и пересчитал, складывая в аккуратные стопочки. Из взломщика переквалифицироваться в счетоводы – такова его судьба.

Стопочки денег были очень красивыми. Они будили алчность даже у меня, бесребренника.

– Хорошо, – сказал Фогард. При виде золота его энтузиазм вырос еще на несколько пунктов. – Насчет оплаты договорились.

Виртольд ощупывал меня цепким взглядом. Он блуждал по мне, словно незримая рука в перчатке, останавливаясь то тут, то там, и часто задерживался надолго. Спустя какое-то время я начал барона кое в чем подозревать. Вряд ли он был людоедом, то есть эльфоедом. Но ведь мог быть любителем мужчин – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Профессионал не выдает своих эмоций, даже если ему очень хочется. Я принялся чесать свой нос, изображая задумчивость, и все для того, чтобы не дать физиономии перекоситься.

О чем я и говорил. Виртольд полон сюрпризов, возможно, неприятных. О чем он думает по-настоящему, можно только догадываться.

В общем, я изображал из себя скучающего профи, а тем временем по моей спригганской спине гарцевали спригганские мурашки.

Так случалось и прежде и обычно указывало на то, что дело будет трудным и в высшей степени таинственным. Как та моя вылазка в подземный храм Богини-Сколопендры, расположенный глубоко под Кварталом Краснодеревщиков. О моих приключениях в этой обители кошмара можно написать книгу. Чего я только там не натерпелся и не навидался! Даже Бом-Бом и Руфио не знают всего.

Фогард и Виртольд обсуждали детали операции. Точнее, обсуждал практически только агент. Барон вдруг оказался удивительно скуп на подробности. Я понял. Ему не терпелось смыться отсюда, и он отбивался от вопросов так, словно мы его сюда силой затащили и заставили участвовать в том, что ему до крайности противно.

Может, он просто ненормальный? Все, что мы узнали в следующие несколько минут, нам приходилось вытаскивать из Виртольда буквально клещами.

Нет, он чокнутый. Вдруг сообщив, что ему сейчас некогда, он заверил нас, что сегодня вечером придет сюда подробную инструкцию и план дома.

Мы с Фогардом и глазом моргнуть не успели, как Виртольд уже прощался.

– Что ж, – сказал он, – надеюсь, мы сработаемся, Локи Неуловимый. Да?

Я кивнул. Мне вдруг захотелось по-маленькому. Виртольд захохотал.

– Чего только не бывает в жизни, – сказал он, – на какие только дорожки не занесет в один прекрасный момент солдата судьба! В общем, ждите подробных инструкций. Писец уже работает над ними. Удачи, господа!

Он козырнул, бросив руку к полям шляпы, и усакал прочь. Ну и двигался он! Долгие годы войны и фехтования сделали его стремительным и легким в движениях. С таким бы и я, пожалуй, не стал играть в кошки-мышки.

И что это за последний монолог? Солдат! Судьба! Сработаемся!

Ох и не нравился мне этот взгляд! Конечно, по роду деятельности я имею дело с представителями самой грубой части криминальной среды, но с ними все ясно. Ничего не ясно с этим бароном.

Не много встречалось мне клиентов, от которых кровь стыла в жилах.

Выпав в осадок, я смотрел на закрывшуюся дверь, пока Фогард не привлёк мое внимание простым естественным вопросом:

– Локи, ты чего, в штаны наложил?

9

Бывший взломщик стоял в дверях своей лавочки с совком в руках.

– Извини за вазу, – сказал я. – Не знаю, как это получилось. Она просто бросилась под мой локоть. Так было в первый раз, помнишь, а во второй...

– Ладно-ладно, ничего, – ответил агент, – у меня еще одна есть. Надеюсь, успею продать ее до твоего следующего визита...

– Желаю удачи в этом нелегком деле. Вообще, все вещи в твоей лавке как-то странно себя ведут, ты заметил?

– Они так ведут себя, когда ты приходишь, – вздохнул Бом-Бом. – Их всех начинает обуревать жажда самоубийства...

– А тем шкафчиком ты очень дорожил? Фогард вздрогнул. На его лице крупными буквами было написано страдание, а бакенбарды обвисли, точно побитые молью боевые знамена. Ну а я тут причем? Шкафчик сам напросился. Нечего было висеть там, где проходит мое плечо. Ловкость и быстрота – мой конек, так что не надо лезть на рожон.

– Я куплю другой шкафчик, – сказал агент, мечтая поскорее от меня избавиться. Каждая минута, проведенная мною в «Сокровищнице королей», по его мнению, оборачивается колоссальными убытками.

Здесь он, конечно, преувеличивает.

– Хорошо. Тогда пока. Все, как договорились. Завтра утром я у тебя.

Фогард сглотнул, вероятно думая, где бы достать такой большой сейф, куда можно было бы на время моих визитов прятать свой драгоценный хлам.

– Да-да. Локи, не беспокойся, со мной все будет нормально, – сказал Фогард, махая мне и закрывая дверь.

Сделал он это быстрее, чем того требовала дружеская вежливость, но я только пожал плечами. У каждого свои причуды, и Бом-Бом не исключение. К примеру, бывший взломщик каждый вечер вытирает пыль с портрета своей жены-пиратки. Нормален ли он?

Кстати, насчет нормальности. Обсудив поведение Виртольда, мы пришли к единодушному мнению, что у него мозги набекрень. Среди наших заказчиков это не редкость, и Виртольд в целом вполне вписывался в определенный процент типов, страдающих легкой шизофренией.

В общем-то это не имело особенного значения. Есть цель, есть хорошая оплата. Сегодня вечером я прогуляюсь по указанному адресу и разведу обстановку. Прикину план наступления и отхода, проверю, как обстоит дело с крышами. В районе, где обитал клиент, я работал мало, так уж вышло, поэтому освежить в памяти подробности было необходимо.

Но это позже. Сейчас домой – и за уборку. Потом смоюсь к сестре, чтобы она починила мою воровскую одежку. Потом...

Ноги сами несли меня куда-то, и, перебирая в уме нехитрые мыслишки, я успел отойти от «Сокровищницы королей» на полтора квартала. Насвистывая, сунув руки в карманы, Локи успевал радоваться солнечному дню и свежему ветерочку – и продолжал бы и дальше в таком духе, если бы не чья-то реплика.

– А? – Я обернулся.

Прохожие были сонными и ползли по улице, как мухи, измазанные медом. Никому не было до меня дела, кроме одной благообразной женщины с красивым декольте. Она смотрела на Локи умоляющими глазами, на щеках ее рдел румянец. В руках вертелся небольшой черный веер с белыми цветочками.

Декольте привлекло мое внимание, а потом я понял, что откровенно глазеть не слишком прилично, и поднял взгляд на милое лицо. Лицо стало еще милее, когда его хозяйка всплеснула руками. Из меня чуть не вышибло слезу.

– Вы что-то сказали? – спросил я, когда смог отлепить язык от нёба.

– Я извинилась.

– Зачем вам извиняться?

– Так сложились обстоятельства, – вздохнула дама.

– Хм... вы имеете в виду, что судьба жестока? – Да!

Она посмотрела мне в глаза, и я начал подтаивать, как восковая свеча на яростном солнышке.

– И чем же я могу вам помочь?

Моя душа жаждала именно этого: я хотел помочь даме во что бы то ни стало.

– Там, за углом. Вон там, за вашей спиной...

– Ага.

– Там есть одна старушка. Бедная и несчастная старушка. Она стоит у бордюра и не может перейти через улицу. Это очень печальная история...

У меня защипало в носу. Я моргнул раз десять, не в силах взять в толк, при чем тут старушка.

– Она хочет, чтобы вы ей помогли, – сказала прекрасная дама, раскрывая веер. Он трепетал в ее руке, словно крылышко гигантской бабочки.

– Я?

– Вы, и только вы! Может быть, от вас зависит судьба этого несчастного создания! – Прекрасная дама подпустила вздох в свою белую грудь.

Я размяк еще больше. Удивительно, как меня удержали ноги.

– Старушке приходится рассчитывать только на ваше милосердие! Переведите ее через улицу. Это все, что она просит!

– А почему именно я?

Этим вопросом я несколько испортил романтизм момента. Бровки дамы устремились к переносице, но тут же разошлись и встали домиком.

– Если бы я знала! Я сама предложила ей, но старушка наотрез отказалась от моей помощи. Нет, сказала она твердо, мне нужен только вон тот сприган.

– Да что вы говорите, – отозвался я.

– А еще она сказала, что из всех, кто топчет мостовую в этот момент и в этом месте, вы самый милосердный! – добавила прекрасная дама.

– Откуда же ей знать? – проворковал я.

Слеза выкатилась из прекрасного левого глаза женщины и покатила по алебастровой щеке, украшенной пятном румянца. Мой организм прямо ёкнул.

– Сердце, истосковавшееся по милосердию, знает больше, чем разум...

О, отлично сказано! Прямо для книжки!

Эта слеза решила дело. Оставаясь на месте, я причиняю невыносимые страдания сразу двум существам. Никто не скажет, что Локи бездушный изверг, и сейчас я это докажу.

– Значит, перевести через улицу?

– Ага, – сказала прекрасная дама. – Это все, что от вас требуется..

Странные фортели выкидывает судьба. Разве я об этом не знал? Разве была у меня какая-то причина сомневаться? А что насчет Неумолимого Рока с кирпичом? Его удары не всегда похожи на удары, иногда на легкий толчок, но ведь и его бывает достаточно, чтобы сигануть в пропасть, размахивая конечностями и вопя во все горло.

Впрочем, все равно. Прекрасная дама смотрела на меня так, что любой нормальный мужчина на моем месте просто обязан был ради нее свернуть себе шею.

– Хорошо, – сказал я. – Старушку перевести – это раз плюнуть.

– Потом возвращайтесь... – ответила дама, пряча нижнюю половину лица за веером.

Я улыбнулся так ослепительно, как только мог, и отправился за угол пружинящей походкой. Пусть видит, что не зря планида свела нас в этот час и в эту минуту...

За углом я остановился. У бордюра лежала кучка свежего конского навоза. При всем воображении его нельзя было принять за страдающую женщину преклонных лет. Если здесь, конечно, не колдовство. Может быть, страдальцу превратил в это какой-нибудь злока-чернокнижник?

Очень странно. Кругом люди и нелюди, всякие разные, но все по большей части молодые и средневозрастные.

– А где же старушка? – спросил я.

– Я старушка!

10

Так мог бы сказать динозавр, если бы умел складывать слова, и я не подпрыгнул до небес только потому, что на плечо мне опустилась какая-то штука весом килограммов в пятьсот.

– Спокойно, чувак, дергаться не надо. Если что – мы старые друзья. Понял?

– П-понял.

Руфио мог бы что-нибудь сказать в мой адрес. Что-нибудь безумно обидное вроде: «Только такой идиот, как ты, на это способен! Вляпался, как воробей в теплые удобрения!»

Да, я вляпался. Когда тебя облапошивают на улице как последнего провинциала, причем ловят на бесхитростный детский трюк, по-другому это не назовешь. Прав был Руфио, прав Фогард. Я стал слишком беспечным. Как это звучало? Халатное отношение к собственному здоровью? В общем, похоже, ТО, что положили мне на плечо, было рукой. Рука принадлежала какому-то большому существу, и я очень боялся посмотреть, что именно это за существо. Однако мне пришлось, потому что появилась вторая рука и повернула меня на сто восемьдесят градусов. К счастью – человек. К несчастью – он размером с приличную гору. И к еще большему несчастью, рожа у него такая, что просто не лезет ни в какие ворота. Из плаща, который свисал с его плеч, можно было сделать натяжной купол для передвижного цирка.

– Меня зовут Варг, – сказал мой новый старый друг. – А ты Локи.

– Да. Никакой ошибки. Ну хоть не отрицаешь.

Варг демонстрировал странное в такой ситуации дружелюбие. Или это у него манера особая? Грабя честных граждан среди бела дня у всех на глазах, улыбаться? Да-а... А когда он будет размазывать меня по стенке, он что, захочет во все слоновье горло?

Интересно, где же его сообщница? Оставалось гадать, как, где и при каких обстоятельствах образовалась подобная шайка.

Поискав свое сердце в пятках, я понял, что оно провалилось гораздо дальше, чем принято в таких случаях.

Мой взгляд съехал на крышу ближайшего дома. Если бы оказаться сейчас наверху! Уже через секунду Варг остался бы в сорока милях за моей спиной. Я бы успел добраться до моей норы и выпить чаю, а мордovorот бы до сих пор почесывал затылок, недоумевая, куда же я подевался...

– Не отрицаю. Просто... для разнообразия... можно кое-что узнать?

– Нет. Все узнаешь потом, – ответил гигант и свистнул.

Я пошарил глазами по сторонам. Помощи ждать неоткуда. Прохожие плыли по тротуарам, словно призраки, а стражу, разумеется, не найти и в радиусе десяти кварталов.

Невзирая на богатырский свист моего пленителя, обстановка на улице осталась спокойная. Обыватели Кавароны привычны ко всякого рода катаклизмам, вот в чем беда. Даже такие страшные звуки, какой только что издал бандит, не могли вывести их из равновесия.

– Когда потом? Хочу сейчас.

– Да ты борзый, чувак, – хмыкнул Варг.

Я подумал, что надо было остаться сегодня дома и притвориться, что у меня самая высокая температура в мире. Фогард бы понял и пожалел меня. Но ведь никогда не знаешь, где упадешь, да и соломки чаще всего под рукой не оказывается.

Руфио, где ты со своими советами?

– Поставь себя на мое место, – сказал я.

– Зачем?

– Не знаю. Пытаюсь воззвать к твоей совести, старый друг.

– Чего? К чему ты взываешь?

– Не обращай внимания. От страха я обыкновенно начинаю бредить.

– Оно и видно, – прогундел Варг, оглядываясь по сторонам.

Кого-то ждал. Помощников? Сообщников? Зачем? Разве он не способен завязать меня в узел одними своими пальцами?

Скверное положение. Думай, Локи. Думай. Как ты раньше выбирался из таких ситуаций? За семь лет карьеры взломщика случилось всякое, и ты всегда находил достойный выход.

Достойный выход для каждого вора – стремительная ретирада. Иногда ей предшествует небольшая рукопашная потасовка, если злая судьба бросает его, любимчика фортуны, в руки не шибко умелых охранников, но в основном до этого не доходит. Спасение взломщика в быстроте. Умение увеличивать дистанцию между собой и преследователями – самый верный залог долголетия.

На плечи мне давили теперь две очень тяжелые руки. И речи быть не могло, чтобы применить к ним все те приемы высвобождения, какие я знаю.

– Варг! – А?

– А та дама, она кто? Которая про старушку говорила?

– Дама-то? А тебе зачем знать?

– Ну... это логичный вопрос. Я очарован.

– Еще бы, – ощерилась гора плоти и костей. – Таков и был расчет... Так, чего это они там не едут?

Начавшая было возвращаться на место душа снова рухнула в черную бездну.

– Слушай, тебе не кажется, что мы стоим у всех на виду несколько... двусмысленно? – спросил я. – Ты большой, я маленький. Ты держишь свои руки на моих плечах как-то не по-дружески. Я начинаю смущаться. Сейчас мои уши зардеют. Я еле удерживаюсь, чтобы не захлопать ресничками...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.